

eISSN 2311-2468
Том 3, № 21. 2015
Vol. 3, no. 21. 2015

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

МИРОНОВА К. М., КАЗАЕВА Н. В.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕНГИЗМОВ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов образования сленгизмов в венгерском языке на материале нескольких словарей сленга. Затрагивается вопрос об определении понятия «сленг» в научной литературе. В этой связи представлены взгляды ряда ученых на данное языковое явление.

Ключевые слова: венгерский язык, сленг, словообразование, сленгизм, заимствование, аффиксация.

MIRONOVA K. M., KAZAEVA N. V.

SLANG FORMATION IN THE HUNGARIAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the ways of slang formation in the Hungarian language. The analysis is based on the material of several dictionaries of Hungarian slang. Definitions of the term "slang" are also presented. The authors consider a number of scholarly approaches to this linguistic phenomenon.

Keywords: Hungarian language, slang, word-formation, slangism, loan word, affixation.

С каждым годом сфера функционирования сленга расширяет свои границы: если изначально он существовал только в устной форме, то в последнее время данный социальный диалект стал широко использоваться в средствах массовой информации – периодической печати, радиовещании, телевизионных передачах и мировой сети Интернет. Однако на вопрос, что такое «сленг», до сих пор нет однозначного ответа, поскольку истоки сленга как речевого явления остаются не до конца исследованными, но начиная с XVI в. ученые рассматривают этот периферийный языковой пласт.

Среди исследователей молодежного сленга бытуют разные мнения относительно данного языкового явления. Согласно первому, существование молодежного сленга воспринимается как «неизбежное зло», «засорение» языка, которое наносит непоправимый вред культуре в целом [5, с. 63-91]. Другие же исследователи считают сленг одним из средств обогащения русской речи [3, с. 78-85]. Здесь делается акцент на образности, эмотивности молодежного сленга, совершенно несвойственных литературному языку.

В отечественной лингвистике вплоть до XX в. сленг рассматривался как нечто отрицательное, не заслуживающее какого-либо научного описания [1, с. 44; 2, с. 144].

По мнению В. А. Хомякова, термин «сленг» доказал свою жизнеспособность, т. к. используется во многих языках для обозначения определенного слоя лексики и фразеологии, «пережил он и все свои ранние синонимы» [8, с. 69].

В лингвистике существует много определений термина «сленг». Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, что такое сленг. Представим несколько толкований данного термина.

В «Словаре социолингвистических терминов» сленг определен следующим образом: 1. То же, что групповой жаргон; 2. То же, что молодежный жаргон; 3. Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к речи. Употребляется преимущественно в условиях непринужденного общения [4, с. 194-195]. Другая формулировка сленга: «Сленг (от англ. s(special)lang(language)) – набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях (профессиональных, общественных, возрастных и иных групп)» [6].

Основное назначение этой лексики – быть средством эмоционально-экспрессивного выражения, самоутверждения говорящих, своеобразным выражением «протеста» против привычного словоупотребления.

В данной статье на материале словарей сленга венгерского языка (I. Fazakas «Szlangszó-szedet» (Сленг-слово-сборник) [9], Online szlengszótár – hogymondom.hu (онлайн-словарь сленга) [10], A. Parapatics «Szlengszótár» (Словарь сленга) [14]) рассмотрим способы образования сленгизмов.

В современном венгерском языке выделяются два основных способа словообразования: морфологический и словосложение [13, с. 307-336]. Среди более редких способов образования новых слов отмечены также и другие: сокращение слов, аббревиация (различные виды), расщепление слова, народная этимология и т. д. [13, с. 337-344]. Что касается путей формирования сленгизмов венгерского языка, то здесь следует указать на отсутствие специальных способов, которые были бы присущи только сленгу.

В сфере образования сленгизмов, как отмечает венгерский исследователь Т. Киш [11, с. 104-107], существуют две основные группы, которые можно выделить как «внешний» способ словообразования, включающий заимствования иностранных слов, и «внутренний», охватывающий изменения, происходящие внутри языка [11, с. 104-107].

Внешнее словообразование – это заимствование слов из внешних источников, из иностранных языков. Самыми продуктивными языками, из которых в венгерский язык перешло наибольшее количество заимствований, являются цыганский, английский и немецкий. Приведем примеры.

Сленгизмы, заимствованные из цыганского языка: *avázik* ‘идти, ехать, приходить’ [9, с. 24], *benga* ‘большой, сильный’ [9, с. 30], *biboldó* ‘еврей, еврейский’ [9, с. 33], *csaj* ‘девушка’

[9, с. 45], *csóró* ‘бедный’ [9, с. 49], *kaja* ‘пища, еда’ [9, с. 93], *lővé* ‘деньги’ [9, с. 114], *máró* ‘хлеб’ [9, с. 117], *komál* ‘любить’ [9, с. 103], *piál* ‘пить’ [14, с. 95] и др.

Сленгизмы английского происхождения: *jard* ‘полиция’ [9, с. 91], *killer* ‘убийца’, *riccs* ‘богатый, успешный’, *keccsel, keccsöl* ‘идти, ехать’ [9, с. 96], *mani* ‘деньги’ [9, с. 117], *bossz* ‘мужчина, начальник’ [10], *fer* ‘честный, порядочный’ [15, с. 103], *kes* ‘деньги’ [10] и др.

Сленгизмы немецкого происхождения: *bláz* ‘сигарета’ [14, с. 31], *bré* ‘шляпа, шапка’ [14, с. 32], *brifkó* ‘бумажник’ [14, с. 32], *jakó* ‘пальто, куртка’ [14, с. 63], *muter* ‘мама’ [10], *ganef* ‘вор’ [9, с. 76], *flepni* ‘удостоверение, лицензия’ [9, с. 70], *vamzer* ‘изменщик, предатель’ [9, с. 166], *fater* ‘отец’ [10], *fidi* ‘письмо’ [15, с. 104] и др.

Кроме слов цыганского, английского и немецкого происхождения в венгерском языке можно обнаружить сленгизмы, заимствованные из итальянского, французского и других языков, но число их гораздо меньше выше перечисленных.

Сленгизмы французского происхождения: *kami* ‘ложь, неправда’ [14, с. 64], *smafu* ‘ничто, мелочь’ [14, с. 104], *piti* ‘маленький’ [9, с. 133].

Сленгизмы, заимствованные из румынского языка: *flamó* ‘еда, пища, блюдо’ [14, с. 50], *mandró* ‘мужчина, человек’ [10].

Примеры сленгизмов, которые были заимствованы из итальянского: *csaó!* ‘привет!’, *frankó* ‘выдающийся’ [9, с. 72], *tuti* ‘уверенный, безопасный’ [10].

Сленгизмы словацкого происхождения: *klapec* ‘мужчина, человек’ [9, с. 101], *bratyó* ‘брат’ [14, с. 32].

К «внутренним» способам словообразования относятся фонетический, семантический и морфологический способы.

Среди фонетических способов словообразования доминируют такие способы, как аббревиация и укорачивание слова. Приведем примеры инициальной буквенной аббревиатуры (состоит из слияния начальных букв слов, образующих исходное словосочетание): *höfő* < *házi feladat* ‘домашнее задание’, *téesz* < *téliszalámi* ‘салями’, *oriszob* < *orvosi szoba* ‘кабинет врача’, *tanszob* < *tanári szoba* ‘учительская, кабинет преподавателей’.

Укорачивание слова — это способ, характеризующий создание слова в результате укорачивания длинного, часто используемого выражения. Примеры: *prof* < *professzor* ‘профессор’, *rágó* < *rágógumi* ‘жевательная резинка’, *szás* < *százados* ‘вековой’ [12, с. 268], *ales* < *alezredes* ‘подполковник’ [12, с. 86], *szitu* < *szituáció* ‘ситуация’ [10].

В венгерском языке существуют сленгизмы, образованные путем контаминации или, другими словами, «смешения» слов: *kopcsikovó* < *kopasz* + *Gabcsikovó* ‘новобранец, призывник’, *buktafon* < *bukta* + *telefon* ‘телефон’, *bagarettázik* < *bagózik* + *cigarettázik* ‘курить’, *tirburger* < *tirpák* + *hamburger* ‘калорийный хлеб’.

Немаловажное место в формировании сленгизмов занимает такой способ, как «усечение», например *nyuci* < *anyuci* ‘мама’, *rica* < *pattogatott kukorica* ‘попкорн’ [10], *só* < *tesó* ‘брат, сестра’, *ció* < *injekció* ‘шприц’, *rándulás* < *kirándulás* ‘поездка, путешествие’.

В семантическом словообразовании выделяются такие способы образования сленгизмов, как метафора (перенос названия по сходству) и метонимия (перенос названия по смежности). Таким образом, лексика сленга активно пополняется за счет переноса названия на основе сходства и взаимосвязи денотатов. Примеры метафор: *bivalytej* ‘молоко буйвола’ в значении ‘черный кофе’ [12, с. 100], *mackótál* ‘медвежье блюдо’ в значении ‘остывшая закуска’ [12, с. 204], *nyúl* ‘заяц’ в значении ‘стрелок’ (так как много бежит) [12, с. 224], *szájkosár* ‘намордник’ в значении ‘противогаз’ [12, с. 266].

«Метонимия – это оборот речи – употребление слов и выражений в переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения» [7]. Примеры: *kékcsempés* ‘покрытый синей кафельной плиткой’ в значении ‘камера, изолятор’ [12, с. 178]; *hadtáp* ‘тыл’ в значении ‘работники кухни’ [12, с. 157]; *lövégcső* ‘ствол оружия’ в значении ‘обладающий большим носом’ [12, с. 203].

Существует еще один семантический способ словообразования сленгизмов – синонимическая замена. Рассмотрим следующие примеры: *csellós* ‘виолончелист’ в значении ‘работник кухни’ можно заменить следующими сленгизмами – *csellista*, *hegedűs*, *melódiás*; *muzsikus*; *zenél* ‘музичировать, играть на музыкальном инструменте’ в значении ‘выполнять кухонную работу’ – *csellózik*; *csupor*; *padlóváza* ‘банка, ваза’ в значении ‘кретин, идиот’ – *köcsög*.

Следующий способ образования сленгизмов – морфологический. Для морфологического словообразования наиболее характерно использование именных и глагольных суффиксов при образовании новых слов. Среди прочих суффиксов особого внимания заслуживают уменьшительные суффиксы. В словах, образованных с помощью данных суффиксов, наблюдается усечение корней (апокопа).

Следует отметить, что в венгерском языке не существует специальных суффиксов, которые использовались бы только для словообразования в сленге. Представим самые продуктивные именные и глагольные суффиксы, участвующие в образовании сленгизмов.

1. Именные суффиксы:

-i: *jogsi* ‘свидетельство’ [14, с. 63], *konci* ‘концерт’ [14, с. 70], *konzi* ‘консерватория’ [14, с. 70], *koli* ‘общество’ [14, с. 70], *kori* ‘каток’ [14, с. 70], *kövi* ‘следующий’ [14, с. 71], *ismi* ‘знакомый’ [14, с. 61], *husi* ‘мясо’ [14, с. 59], *sali* ‘салат’ [14, с. 103], *tesi* ‘физическая культура’ [10], *vili* ‘трамвай’ [14, с. 118], *papi* ‘папа’, *bizi* ‘удостоверение’, *ovi* ‘детский сад’, *futi*

‘солдатская тюрьма’ [12, с. 146], *gyopí* ‘призывник, новичок’ (<*gyopár*) [12, с. 156], *kotri* ‘изолятор, камера’ (<*kóter*) [12, с. 191], *obi* ‘отсрочка, скандал’ (<*oboa*) [12, с. 227];

-csi: *pulcsi* ‘пуловер, кофта’, *babcsi* ‘горох’, *bikcsi* ‘хороший’ (<*bika* ‘бык’) [12, с. 99], *kimarcsi* ‘увольнение’ [12, с. 183], *zacsí* ‘под знаменем’ [12, с. 301], *korcsi* ‘новобранец, новичок’ [12, с. 190], *komcsi* ‘коммунист’ [14, с. 70], *limcsi* ‘лимонад’ [14, с. 77], *libcsi* ‘либеральный’ [14, с. 77];

-ó,-ő: *lebukató* ‘контролер’, *csilingelő* ‘велосипед’, *tömlő* ‘ластик, резинка’ [12, с. 284], *kőhögő* ‘автомат’ [12, с. 192], *smiró* ‘новобранец, призывник’ (<*smirgli* ‘наждачная бумага’) [12, с. 261], *skuló* ‘снаряд, пуля’ [12, с. 260];

-ci: *papuci*, *apci* ‘папа’, *mosi* ‘мотоцикл’ [10], *mellci* ‘бюстгальтер’, *naci* ‘штаны’ [14, с. 86], *surci* ‘ботинки’ [12, с. 264], *korci* ‘новичок, новобранец’ [12, с. 190].

2. Глагольные суффиксы:

-l: *dumál* ‘говорить’ [14, с. 41], *moslékol* ‘есть, кушать’, *rajol* ‘важничать’, *eltaknyol* ‘падать’ [9, с. 61], *kiidegel* ‘приводить в раздражение’ [9, с. 182], *felkócol* ‘вымыть’ [12, с. 140];

-z: *csellózik* ‘выполнять работу на кухне’ [12, с. 112], *fókázik* ‘вымыть’ [12, с. 144], *topázik* ‘быть неуклюжим’ [12, с. 283], *csórózik*, *smacizik* ‘целовать’ [14, с. 39].

Итак, в современном венгерском языке одним из основных источников пополнения сленга являются заимствования из иностранных языков, преимущественно из цыганского, английского и немецкого. Также немаловажную роль выполняют фонетические способы словообразования, такие как аббревиация, контаминация и усечение. К семантическим способам, активно пополняющим состав сленга, можно отнести метафору и синонимическую замену. Для морфологического словообразования наиболее характерно использование именных и глагольных суффиксов при образовании новых слов. Отметим, что глагольные суффиксы значительно реже выступают в образовании сленгизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. К проблеме языковых стилей // Вестник ЛГУ. – 1951. – № 5. – С. 32–44.
2. Ворно Е. Ф., Кашеева М. А., Малишевская Е. В., Потапова И. А. Лексикология английского языка. – Л.: Учпедгиз, 1956. – 170 с.
3. Грачев М. А. Арготизмы в молодежном жаргоне // Русский язык в школе. – 1996. – № 1. – С. 78–85.
4. Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б. Словарь социолингвистических терминов. – М.: ИЯРАН, 2006. – 312 с.

5. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. – 2000. – № 3. – С. 63–91.
6. Сленг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=61800915>.
7. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovarozhegova.ru>.
8. Хомяков В. А. О термине сленг (Из истории вопроса) // Вопросы теории английского и немецкого языков / отв. ред. Б. А. Ильиш. – Вологда: Изд-во Вологодск. ун-та, 1969. – С. 65–80.
9. Fazakas I. Szleng-szó-szedet. – Budapest: Fekete Sas Kiadó, 2003. – 179 lap.
10. Hogymondom – szlengszótár [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hogymondom.hu>.
11. Kis T. A hangalaki szóalkotás // Köszöntő kötet B. Gergely Piroska tiszteletére / szerk. E. Grécsi-Zoldos, M. Kovács. – Miskolc: ME BTK Magyar Nyelvtudományi Tanszék, 2002. – Old. 104-107.
12. Kis T. A magyar katonai szleng szótára. – Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2008. – 319 lap.
13. Magyar grammatika / szerk. B. Keszler. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 2000.
14. Parapatics A. Szlengszótár. – Budapest: Tinta könyvkiadó, 2013. – 143 old.
15. Szabó E. A magyar börtönszleng szótára. – Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2008. – 231 lap.

КОШАЕВ А. В.

МАРИЙСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «ЮГОРНО»:

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ТЕМАТИКА, ПРОБЛЕМАТИКА, ПОЭТИКА

Аннотация. В статье рассматривается русскоязычный опыт создания марийского героического эпоса. Представлена история создания и публикации эпоса А. Спиридонова «Югорно»: анализируются его тематика, проблематика, композиция образного сюжета и образной системы, выявляется идейная направленность произведения. Особое внимание уделено использованию в тексте марийского фольклорного материала.

Ключевые слова: марийская литература, героический эпос, А. Спиридонов, «Югорно», проблематика, поэтика.

KOSHAEV A. V.

MARI HEROIC EPIC "YUGORNO":

HISTORY OF THE CREATION, TOPICS, POETICS

Abstract. The article deals with the experience of creation of Mari heroic epic in Russian. It considers the history of the creation and publication of the epic "Yugorno" by A. Spiridonov. The author analyzes the topics, composition, plot, images, and ideology of the poem with a focus on Mari folklore usage.

Keywords: Mari literature, heroic epic, A. Spiridonov, Yugorno, topic, poetics.

Марийский героический эпос «Югорно» существует в двух вариантах – русскоязычном и марийскоязычном. Первоначальный вариант был создан Анатолием Яковлевичем Спиридоновым на русском языке. Изначально данное произведение называлось не «Югорно», а «Мари». Но самому автору название не было по душе. По его словам, он долго искал для заглавия нужное слово, пересмотрел много словарей, но подходящего слова так и не нашел – в итоге Анатолий Яковлевич сам придумал слово. Этим словом стало «Югорно». «Ю» (мар.) – вещий, божественный, а «корно» (мар.) – путь. В переводе на русский язык оно означает «Вещий путь» [1, с. 7].

На тот факт, что эпос написан на русском языке, обращают внимание многие авторы публикаций о нем. Они пытаются понять причины интереса А. Я. Спиридонова к марийской тематике, а также источники его знаний о марийском фольклоре и специфике марийского языка. Так, Ю. Григорьев отмечает, что А. Я. Спиридонов, родившийся в русской семье, рос в среде марийцев. Именно поэтому Анатолий Яковлевич так тонко чувствует богатство марийского языка, с большой любовью относится к художественному творчеству марийского народа [1, с. 7].

Таким образом, произведение оказалось связанным сразу с двумя языковыми культурами и литературами. «Принадлежность «Югорно» сразу к двум культурам и двум литературам, – писал профессор А. Т. Липатов, – выдвигает поэму в разряд уникальных культурных явлений нашего времени – из тех, что, организуя вокруг себя новое художественное пространство, непременно вызовут всплеск творческой активности в смежных сферах культуры и искусства – музыке, театральной деятельности, живописи, книжной графике» [3, с. 8].

На создание эпоса автор долго не решался, чувствовал большую ответственность, так как в марийской литературе не было еще такого произведения, в котором было бы художественно исследовано становление народа, где было бы собрано богатство марийского фольклора, переходившего из поколения в поколение. Окончательный импульс для написания эпоса дала книга Петера Домокоша «Формирование литератур малых уральских народов» [2], из которой было видно, что марийская литература в плане создания героического эпоса явно проигрывала всем остальным финно-угорским литературам.

Над созданием этого произведения автор работал восемь лет. Четыре года собирал материал, и четыре года понадобились для того, чтобы написать сам художественный текст, который был дописан в конце 1999 года. Впоследствии, в 2000 году, эпос «Югорно» был переведен на этнический язык марийцев марийским поэтом Анатолием Мокеевым. Отдельной книгой оба варианта вместе (русскаяязычный и марийскаяязычный) были напечатаны в 2002 году, а в 2014 году вышло второе их издание.

Книга в обоих изданиях построена таким образом, что русский и марийский тексты идут параллельно, что заметно упрощает понимание читателем содержания произведения. Кроме того, в конце книги (в разделе «Пояснения») А. Спиридонов дает пояснение всем терминам, образам, словам, которые встречаются только в марийском мире. Это сделано специально, чтобы не только марийцы, но и читатели немарийской национальности, заинтересовавшиеся данным произведением, смогли максимально вникнуть в марийский мир и понять его глубинные смыслы.

В произведении использованы сюжеты и образы сказок, мифов, песен, народные приметы. Профессор А. Т. Липатов пишет, что создается ощущение, что «именно в таком виде все изначально и было, – ничего лишнего, искусственного, будто все это существовало в таком виде изначально, испокон веков» [5, с. 88]. Это говорит о понимании автором всей сущности мира мари со всеми его аспектами. Только человек, который прекрасно в этом разбирается, сможет соединить и сплавить многолетний и многообразный фольклорный материал в единое произведение.

«Югорно» состоит из вступления, 23 песен и заключения. Знакомство со своим произведением Анатолий Спиридонов начинает с характерного для любого национального эпоса элемента текста – вступления. Оно традиционно по своему содержанию и форме. Так, главным героем вступления становится певец-гусяр, размышляющий о том, стоит ли ему начинать свою песню. Для марийского народа образ гусяра имеет символическую функцию: это образ, сопровождающий все важные для народа события. То, что автор вывел его в начале своего повествования, есть свидетельство исключительной значимости в национально-историческом плане изображенных в произведении событий.

Фабульно-событийное действие в произведении развивается в основном вокруг двух героев: Пампалче и Салий. С этими образами связана тема сватовства. Пампалче (дочь Орчамай), в которой воплотилась внешняя и внутренняя красота народа, готовится выйти замуж. К ней отовсюду приходят свататься богатые женихи. Но Пампалче уже давно выбрала себе жениха и даже подарила ему сшитую своими руками рубашку и вышитое полотенце («солык»). Это Салий, сын покойного Изима, последний из известного охотничьего рода.

Тема любви, реализуемая в истории Салия и Пампалче, играет немаловажную роль в построении произведения. Эта история любовных отношений является сквозной, а сама тема любви становится лейтмотивом всего произведения, с ней прямо или косвенно связаны почти все основные сюжетные действия, среди которых: Салий идет за олно; появляется Таргылтыш; Пампалче покидает земной мир и др.

Салий беден; все, что имеет, – это лук и стрелы. Но, несмотря на это, отец Пампалче не становится против бедного жениха, он готов выдать дочь за Салий даже без положенного выкупа. Так, автор, поднимая тему сватовства, ставит проблемы социального равноправия и родового запрета. Соответственно, намечается первый конфликт произведения: между родовым законом (общественным мнением, народом) и отдельным представителем рода (Орчамай), отступившим от родового правила. Общество требует выполнения родового закона (если ей, Пампалче, досталась вся красота народа, то и жених должен выкупать ее у всего народа):

Если девушке досталась
Красота всего народа,
То народ ее красою
Вправе сам распоряжаться [6, с. 19].

Глазами и словами Орчамай автор осуждает народ, которому затмили глаза богатства, приходящие задарма от тех, кто сватался. Жадность поселилась в душах людей:

Видно, застили глаза им
Те несметные богатства,

Что приходят и уходят

Каждой осенью без пользы? [6, с. 19].

Следующий конфликт, реализуемый в произведении, связан с проблемой борьбы добра и зла. На стороне добра выступают такие герои, как Салий, Пампалче, Нёнчык-патыр, Чумбылат, Алмакай, Чучка, Чорай, Акмазик, а на стороне зла – Пектемер (он же Түкан Шур) и Таргылтыш.

Народ недоволен злыми людьми и их недобрыми поступками. Например, Пектемер безжалостно относится к людям, издевается над ними. Люди живут в страхе, но в их сердцах живет надежда на то, что их герой, который ушел в дальний путь, чтобы разгадать тайну смерти, вернется и победит злую силу.

В данной сюжетной линии положительные персонажи в своих праведных делах сменяют друг друга, причем, происходит это очень быстро. Например, борьбу против Пектемера вначале ведет Нёнчык-патыр, затем Чучка, за ним следует Чорай, а завершает борьбу Акмазик. Такая же смена происходит и в позиции женских персонажей. Если в начале повествования ключевым женским персонажем является Пампалче, то в конце произведения в этой роли выступает уже Унавий.

А. Спиридонов охватывает весь многолетний жизненный путь народа, обращается «к поре легендарного Онара, великого прародителя всего марийского рода-племени, сына самого Юмо и богини Мландавы, владеющих Небом и Землей» [4, с. 7]. Это позволяет говорить о том, что одной из основных проблем произведения является национально-историческая тема (история марийского народа).

Затрагивается в «Югорно» и эсхатологическая тема – тема создания мира, Вселенной, людей. Так, в эпизоде рождения мира (это песня одиннадцатая) описывается божественная утка и ее сыновья – Юм, Йын и Таргылтыш. Утка искала место для своего гнезда, но из-за того, что места там было мало, из трех яиц появились на свет только два: старший Юм и последыш – Йын. А Таргылтыш так и остался в утробе матери. Два брата стали обустривать землю:

Из желтка слепили солнце,
Из белка слепили воздух,
Скорлупа пошла на звезды,
Пленка нежная – на небо [6, с. 109].

Еще до появления на свет братья успели между собой перессориться. В процессе работы этот конфликт только набирает обороты. Каждый из них хотел управлять, быть хозяином строящегося дома.

Красива крыша

Моего большого дома! [6, с. 109] –

после этих слов Юма Йын решил для себя больше не помогать брату. Он перестал работать, и там, куда он должен был таскать ил, образовалась пустота. Пустота в данном случае – это «подземный мир, в некоторых сказках многоуровневый, являющийся зеркальным отражением нашего мира» [3, с. 239]. Кроме того, Йын исправил по своей мерке фигурки людей, зверей, птиц, которые сделал Юм. И случилось так, что не осталось среди них двух одинаковых, похожих друг на друга. Это вызвало гнев Юма, который сослал своего брата под землю, а сам отправился на небо, чтобы не видеть свои творенья. В результате один из них стал владыкой подземного мира, а другой – небесного. Но на самой земле не осталось никого, кто стал бы на ней всем управлять. Невольно возникает мысль о том, что остается только одна кандидатура на это место – это третий брат – Таргылтыш. Все названные события становятся завязкой для дальнейшего развития образа Таргылтыша, появившегося из золотого яйца.

Есть в «Югорно» и тема предательства. С этой темой связан образ Пектемера, который заключил договор с Таргылтышем ради собственного бессмертия. Он предал интересы народа ради личных целей, поставил себя выше жизни всего народа. Его действия направлены против гармонии мира, вносят в него дисбаланс. Автор видит единственный путь для восстановления равенства интересов народа и личности – это смерть Пектемера.

Основная идея эпоса связана с утверждением духа борьбы, национальной свободы и природной гармонии мира. В этом смысле марийский героический эпос, созданный на русском языке, созвучен эпосу других финно-угорских народов.

Произведение написано в стихотворной форме, как писались народные сказания и песни. Форму изложения автор, как отмечает А. Липатов, выбрал адекватную и выразительную. Исследователь отмечает: «Поэт оправданно избрал и стиховой лад, ритмо-мелодику для своего творения. Бунинская строфика и ритмо-мелодика переведенной им лонгфелловской «Песни о Гайавате» очень точно выражают песнопения волшебного сказителя-гуслира Салия» [4, с. 6]. Автор выбирает для своей поэмы песенный размер – четырехстопный хорей, гармонично сочетающийся с фольклорно-народным материалом.

«Югорно» А. Спиридонова в контексте марийской культуры и освоения марийского материала в русскоязычном словесно-художественном творчестве является уникальным. Произведение доносит специфику марийского видения мира, национального эстетического сознания. Это художественный шедевр, созданный на стыке фольклорной и индивидуально-художественной словесности и связанный с национально-исторической проблематикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Ю. «Югорно» – сылнымутын курымаш чапкӱжӱ (рец. на кн. А. Спиридонова «Югорно») // Марий Эл. – 2011, 29–30 март. – С. 7.
2. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / пер. с венгерского. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – 288 с.
3. Липатов А. Т. Героический эпос марийского народа // Спиридонов А. Я. Югорно. Песнь о вещем пути: эпос мари / пер. с русского А. И. Мокиеева. – 2-е изд. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2014. – С. 3–8.
4. Липатов А. Т. Сказ о началах марийского эпоса // Спиридонов А. Я. Югорно. Песнь о вещем пути: Эпос мари: Опыт синтеза / пер. на мар. яз. А. Мокиеева. – Йошкар-Ола: Изд-во «Марево», 2002. – С. 5–12.
5. Социально-культурное развитие народов Поволжья и Приуралья в XX – нач. XXI века: материалы Межрегион. науч. конф. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. – 182 с.
6. Спиридонов А. Я. Югорно. Песнь о вещем пути: эпос мари / пер. с русского А. И. Мокиеева. – 2-е изд. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2014. – 248 с.

САСАЕВА Е. Н., НАТУРАЛЬНОВА Г. А.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ

В РУССКОМ И МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ фразеологизмов с числовым компонентом русского и мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Охарактеризованы их структурные и фразеосемантические особенности.

Ключевые слова: фразеологическая единица, числительное, число, лингвокультура, национальная специфика, фразеологический словарь, количественное значение.

SASAEVA E. N., NATURALNOVA G. A.

NUMBER IDIOMS IN RUSSIAN AND MORDVINIAN LANGUAGES:

A COMPARATIVE ANALYSIS

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of phraseological units with numeral component in Russian and Mordvinian (Erzyan and Mokshan) languages. The study focuses on the structural and phraseosemantic characteristics of the idioms.

Keywords: idiom, numeral, number, linguoculture, national identity, phrase-book, quantitative value.

Фразеологический состав каждого языка представляет собой комплексную систему, которая обладает определенными структурными и семантическими признаками, а также специфическими национальными чертами. Одной из составляющих этой системы является группа фразеологизмов с числовым компонентом.

Настоящее исследование посвящено сопоставительному семантическому и структурному анализу устойчивых сочетаний с компонентом-числительным русского и мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Нас интересует, какие числительные организуют фразеологические единицы (ФЕ), сохраняют ли они количественное значение или приобретают другой смысл. Анализ фразеологизмов разных языков, являющихся носителями важной культурной информации, способствует также проникновению в образ мыслей и характер носителей этих языков. Устойчивые сочетания являются отражением специфики культуры того или иного народа, т. е. на каждом из них накладывается отпечаток истории, географических, а также языковых особенностей определенной лингвокультуры. В то же время фразеологизмы, по мнению В. М. Мокиенко, универсальны, так как они вошли в языки многих народов из исторических, мифологических, известных литературных источников или же возникали у разных народов независимо от других вследствие работы общих механизмов человеческого мышления, близости отдельных условий жизни, трудовой деятельности,

развития науки и искусств. «Сплетение национального и интернационального происходит постоянно, любой оборот, заимствованный из другого языка, вливаясь в новую среду, так или иначе приспосабливается к ней и в итоге «национализируется» [3, с. 246].

Объектом исследования послужили фразеологизмы с компонентом-числительным, отобранные из следующих словарей: «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, «Фразеологического словаря» эрзянского языка («Фразеологиянь валкс») Р. С. Ширманкиной, «Фразеологического словаря мокшанского языка» («Мокшень келень кевонзаф валсюлмонь валкс») Н. А. Кулаковой, В. Ф. Рогожиной. Устойчивые сочетания, включающие в свой состав слова с количественным значением, такие, как **пара, десяток, дважды, трижды** и др. не учитывались.

Во фразеологизмах рассматриваемых языков представлены числительные: 1) количественные: р. *убить двух зайцев* [5, с. 487], *палка о двух концах* [5, с. 308], *одним махом* [5, с. 239], *книга за семью печатями* [5, с. 200], *(знать) как свои пять пальцев* [5, с. 399] и др.; э. *кирдемс ве кедь* (досл. держать одну руку) [4, с. 74], *муемс вейке кель* (досл. найти один язык) [4, с. 104], *кавто вейкетъ* (досл. два одинаковых) [4, с. 55]; м. *арамс фкя кядь лангс* (досл. встать на одну руку) [2, с. 12], *аф фкя кужень къстыхть-нормальхть* (досл. не одной поляны ягоды) [2, с. 21]; 2) порядковые: р. *пятое колесо в телеге* [5, с. 202]; *седьмая вода на киселе* [5, с. 73]; *дело десятое* [5, с. 132], *играть вторую скрипку* [5, с. 179], *из первых рук* [5, с. 394] и др.; э., м. *васенце ломань* (досл. первый человек) [4, с. 35; 2, с. 36], э. *васень тев* (досл. первое дело) [4, с. 35]; 3) собирательные (представлены в русском языке): *глядя в оба* [5, с. 440], *уплетать за обе щеки* [5, с. 497], *подписываться обеими руками* [5, с. 332], *хромать на обе ноги* [5, с. 512] и др.

При анализе фразеологических единиц русского и мордовских языков нами была выявлена асимметрия на предмет представленности или непредставленности компоненто-числительных, т. е. некоторые числительные одного языка отсутствуют в материале другого языка. Статистические данные проведенного исследования представлены в таблице 1.

Так, в русском языке встречаются ФЕ с числительными:

1 (один – первый): *на первый взгляд* [5, с. 64], *всыпать (задать) по первое число* [5, с. 86], *стричь всех под одну гребенку* [5, с. 467], *первые шаги* [5, с. 531], *в одну дудку дудеть* [5, с. 146], *как одна копейка* [5, с. 205], *мерить на один аришин* [5, с. 242], *не первой молодости* [5, с. 252], *стоять одной ногой в могиле* [5, с. 460], *на один зуб* [5, с. 176], *из одного (и того же) теста* [5, с. 475], *ни в одном глазу* [5, с. 107] и др.;

2 (два – второй – оба (обе)): *от горшка два вершка* [5, с. 61], *как две капли* [5, с. 194], *вторая молодость* [5, с. 252], *второе пришествие* [5, с. 360], *играть вторую скрипку* [5, с. 179], *гоняться за двумя зайцами* [5, с. 116], *в два счета* [5, с. 466], *два сапога пара* [5, с. 407],

на два фронта [5, с. 503], ни два ни полтора [5, с. 128], черта с два [5, с. 523], между двух огней [5, с. 294], палка о двух концах [5, с. 308], не мочь связать двух слов [5, с. 415], в двух шагах [5, с. 531] и др.;

3 (три – третий): видеть на три (два) аришина в землю [5, с. 67], гнуть (согнуть) в три погибели [5, с. 109], третьего дня [5, с. 141], с три короба [5, с. 208], заблудиться в трех соснах [5, с. 159], в три шеи [5, с. 533];

4 (четыре – четвертый): на (все) четыре стороны (ветра) [5, с. 62], между (меж) четырех глаз [5, с. 102];

5 (пять – пятый): (знать) как свои пять пальцев [5, с. 399], пятое колесо в телеге [5, с. 202], нужен как собаке пятая нога [5, с. 281] и др.;

7 (семь – седьмой): за семь верст киселя хлебать [5, с. 507], семь верст до небес [5, с. 60], за (под) семью (десятью) замками [5, с. 168], на седьмом небе [5, с. 271], семь пятниц на неделе [5, с. 374], до седьмого пота [5, с. 348], семи пядей во лбу [5, с. 373] и др.;

9 (девять – девятый): девятый вал [5, с. 54];

10 (десять – десятый): дело десятое [5, с. 132], пятое – десятое [5, с. 374];

16 (шестнадцать): кругом шестнадцать [5, с. 215];

25 (двадцать пять): опять двадцать пять [5, с. 297];

40 (сорок): сорок сороков [5, с. 447];

41 (сорок один): сорок одно с кисточкой [5, с. 447];

100 (сто): давать сто / десять очков вперед [5, с. 125], на все сто [5, с. 456].

Для мордовских языков характерны фразеологизмы с числительными:

1 (э. вейке – васенце, м. фкя – васенце): э. *кортамс ве валсо* (досл. говорить одними словами) [4, с. 74], *муемс вейке кель* (досл. найти один язык) [4, с. 107], *паломс ве толсо* (досл. гореть одним огнем) [4, с. 121]; м. *ащемс фкя вастса* (досл. стоять на одном месте) [2, с. 25], *арамс фкя кядь лангс* (досл. встать на одну руку) [2, с. 12]; *морамс фкя мора* (досл. петь одну песню) [2, с. 101] и др.;

2 (э. кавто, м. кафта): э. *кундамс кавто нумолот* (досл. поймать двух зайцев) [4, с. 55], *понгомс кавто тол юткс* (досл. попасть между двух огней) [4, с. 134], *кавто вейкетъ* (досл. два одинаковых) [4, с. 55]; м. *кафта кургса ярхцамс* (досл. есть двумя ртами) [2, с. 55], *кафта седиса* (досл. с двумя сердцами) [2, с. 55], *повфтамс кафта кев ёткс* (досл. попасть между двух камней) [2, с. 138], *роботамс кафта ломаненкса* (досл. работать за двоих людей) [5, с. 151] и др.;

7 (м. сисем): м. *сисем пря* (досл. семиголовый) [2, с. 158].

Представленность компонентов-числительных
во фразеологизмах русского, мокшанского и эрзянского языков

Компонент-числительное	0	1	2	3	4	5	7	9	10	16	25	40	41	100
Количество ФЕ русского языка	2	73	38	7	3	5	11	1	5	1	1	1	1	2
Количество ФЕ эрзянского языка	-	18	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Количество ФЕ мокшанского языка	-	18	5	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-

Наиболее частотными в составе рассматриваемых фразеологизмов русского и мордовских языков являются компоненты р. **один**, э. **вейке**, м. **фкя**; р. **два**, э. **кавто**, м. **кафта**. В русском языке фразеологические обороты с другими числовыми компонентами не столь употребительны, они имеют разные порядковые номера частотности. В мордовских языках числительные за исключением э. **вейке**, м. **фкя** ‘один’; э. **кавто**, м. **кафта** ‘два’; м. **сисем** ‘семь’ вообще не входят в состав устойчивых сочетаний. Причины таких сходств и различий можно объяснить, во-первых, тем, что число, являясь универсальным концептом культуры любого народа, по-разному реализуется в разных языках, тем самым обнаруживая индивидуальную специфику разных лингвокультур. Во-вторых, большое количество фразеологизмов мордовских языков, являясь достоянием мордовского народа, до сих пор не собрано. Поэтому имеющиеся фразеологические словари не могут в полной мере отразить богатство национальной идиоматики.

Часто во фразеологизмах наряду с числовым компонентом нередко встречаются слова, обозначающие предметы, явления и понятия, которые существовали только в жизни носителей русского языка, связанные с культурными, историческими и географическими особенностями, поэтому в мордовских языках они не имеют эквивалентов. Например, ФЕ *с три короба* – ‘очень много наговорить, наобещать, наврать’ появилась из крестьянского торгового быта, где *короб* – ‘плетеное изделие вроде корзины для хранения и переноски чего-л.’. Мелкие торговцы разносили в коробах товары. Таких торговцев называли коробейниками. Они продавали ткани, платки, книги, иконы и продукты. Уговаривая покупателей, коробейники часто преувеличивали достоинства своих товаров, насаживали «с три короба» [1, с. 345].

Или выражение *за семь верст киселя хлебать* – ‘поехать (пойти) очень далеко и вернуться ни с чем’ исконно русское. По одной версии, образ в ФЕ построен на алогизме, где понятие «очень далеко» усиливается словом *верста*, обозначающим старинную меру длины

(чуть больше километра), и числа *семь*, которому в древности приписывали магическое, чудодейственное значение. По другой версии, основой образа является *кисель* – национальное русское кушанье, изготавливавшееся из ржаной, овсяной, пшеничной или гороховой муки на ягодном соке или молоке с добавлением крахмала и сахара. Оно было легким, но сытным повседневным блюдом. Поскольку кисель никогда не считался необычным, редким и дорогим кушаньем, то ехать за ним далеко нет смысла – его и дома много [1, с. 90].

В мокшанском языке во ФЕ *сисем пря* (досл. семиголовый) – ‘о хитром человеке’ [2, с. 158] число 7 характеризует интеллектуальное качество человека, усиливает его проявление. По мнению мордвы, человек, имеющий семь голов, в семь раз умнее и хитрее человека с одной головой. Данный фразеологизм не имеет в русском языке полного фразеологического эквивалента, но в нем есть выражение с подобным значением и структурой: *семи пядей во лбу* – ‘об очень умном человеке’ [5, с. 373].

Мордовские фразеологизмы с числовым компонентом большей частью являются эквивалентами русским. Смысловое и формальное сходство может объясняться как общностью сознания и восприятия различных природных, исторических и физиологических факторов, так и межъязыковыми контактами, становящимися причиной разного рода заимствований, калькирования и других явлений. Сравните:

р. *одному богу (черту) известно*, э. *ве (вейке) вере паз соды* (досл. один бог знает) – ‘не известно никому, никто не знает’;

р. *стоять на одном месте*, э. *пулькамс ве таркасо* (досл. барахтаться на одном месте), м. *ащемс фкя вастса* (досл. стоять (находиться) на одном месте) – ‘не двигаться вперед, не развиваться’;

р. *между двух огней*, э. *понгомс кавто тол юткс* (досл. попасть между двух огней) – ‘в таком положении, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон’;

р. *убить двух зайцев*, э. *кундамс кавто нумолот* (досл. поймать двух зайцев) – ‘одновременно выполнить два дела; добиться осуществления двух целей’.

Проведенный анализ показал, что фразеологизмы, включающие в свою структуру числовой компонент, либо выражают неопределенно-количественное значение, либо утрачивают его и реализуют лишь качественную оценку. При этом числительные, приобретая переносные значения, способствуют формированию фразеологического образа в целом. В зависимости от этого, ФЕ можно разделить на 2 группы:

1) ФЕ, обозначающие неопределенно-малое либо неопределенно-большое количественное значение, т. е. имеющие в своей семантической структуре семы ‘много’, ‘мало’. Ср.: р. *семь верст до небес (и все лесом)* – ‘очень много наобещать, наговорить’, *раз* – *два (один – два) и обчелся* – ‘очень мало; о незначительном, недостаточном количестве кого-

л. или чего-л., что можно пересчитать’, *с три короба* – ‘очень много (наговорить, пообещать, наврать’); *сорок сороков* – ‘бесчисленное множество, большое количество чего-л.’. Среди фразеологизмов с числовым компонентом эрзянского и мокшанского языков ФЕ, выражающие неопределенное количество, не встретились.

2) ФЕ, в составе которых числительное реализует лишь качественную оценку. Данные фразеологизмы большей частью содержат характеристику внешних данных и внутренних психоэмоциональных качеств человека, его состояние, деятельность и др. Ср. р. *от горшка два (три) вершка* – ‘очень низкий, низкого роста; о человеке’, *абсолютный нуль* – ‘человек ничтожный, совершенно бесполезный в каком-либо деле’, *не первой молодости* – ‘немолодой, средних лет’ и др.; э., м. *васенце ломань* (досл. первый человек) – ‘уважаемый человек; быть в числе первых во всех делах’, м. *сисем пря* (досл. семиголовый) – ‘о хитром человеке’, э. *кавто вейкетъ* (досл. два одинаковых) – ‘похожие чем-то люди’, м. *кафта седиса* (досл. с двумя сердцами) – ‘по отношению к человеку: очень сильный, способный многое выдержать’.

Следует отметить, что рассмотренные фразеологизмы русского и мордовских языков антропоцентричны. Центром языковой картины мира является сам человек и его мировосприятие, поэтому окружающий его мир предметов человек, в первую очередь, сравнивает с самим собой. Это выражается в использовании в качестве компонентов ФЕ названий частей и органов тела человека. Ср.: р. *из первых рук* – ‘непосредственно от кого-л., без посредников’, *между (меж) четырех глаз* – ‘наедине, без свидетелей, без посторонних’, *(знать) как свои пять пальцев* – ‘знать очень хорошо, досконально, основательно’, *уплетать за обе щеки* – ‘есть с большим аппетитом’, *на один зуб* – ‘очень мало; о пище, еде’; э. *кирдемс ве кедь* (досл. держать одну руку) – ‘помогать кому-л., встать на чью-л. сторону’, м. *корхтамс фкя кельса* (досл. разговаривать на одном языке) – ‘придерживаться одних взглядов, одинаково выражать свои мысли’, э. *муемс вейке кель*, м. *муемс марстонь (фкя) кяль* (досл. найти один язык) – ‘начать одинаково думать, делать дела’.

Таким образом, проведенное исследование показало, что фразеологизмы с числовым компонентом занимают особое место во фразеологической системе рассматриваемых языков. Они играют определенную роль в формировании языковой картины мира, маркируя национальное своеобразие языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 962 с.

2. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 200 с.
3. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки по фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
4. Ширманкина Р. С. Фразеологиянь валкс: Кемекставозь меревксэнь. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 1998. – 216 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

СИЛКИНА Н. А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В РОМАНЕ А. ДОРОНИНА «ТЕНИ КОЛОКОЛОВ»

Аннотация. В статье рассматриваются художественные средства реализации образа исторической личности в историко-биографическом повествовании, что позволяет выявить специфику авторской концепции мира и человека, эстетический потенциал мордовской национальной словесности в целом.

Ключевые слова: историко-биографический роман, историческая личность, образ, символ, концепция.

SILKINA N. A.

HISTORICAL CHARACTER

IN THE NOVEL "BELLS' SHADOWS" BY A. DORONIN

Abstract. The article considers the literary means of realization of a historical character in the historical and biographical narration. This reveals the specifics of author's conception of the world and man, the aesthetic potential of Mordovian national literature in general.

Keywords: historical and biographical novel, historical character, image, symbol, conception.

В современном мордовском литературоведении актуальными признаются проблемы «органичной взаимосвязи исторического явления (события, факты), личностной самореализации, историко-национального контекста» [1, с. 31], развития творческой концепции личности и истории, путей и средств объективного освещения исторической атмосферы и психологии отдельных ее представителей, осмысления роли человека в судьбе народа и др. Данный круг вопросов находит разностороннее изучение в работах Ю. Г. Антонова [1], В. И. Демина [3], А. И. Брыжинского [2], Е. А. Жиндеевой [7], Е. А. Шароновой [6; 9], Т. В. Гераськина [5; 6], С. В. Шеяновой [1; 10; 11] и др. Вместе с тем скрупулезное исследование отдельных аспектов крупных литературоведческих проблем позволяет выявить богатство художественного мира того или иного писателя, а также эстетический потенциал национальной литературы в целом, что определяет актуальность и научную значимость данной статьи.

В романе «Баягань сулейть» («Тени колоколов») [4] А. Доронин первым из мордовских прозаиков обращается к художественной реконструкции национальной истории в контексте общероссийской культурно-политической жизни второй половины XVII века. Правомерно говорить о том, что писателя привлекла не сама эпоха, а историческая личность патриарха Всея Руси Никона, эрзянина по национальности. Известно, что исследователи-историки,

философы, общественные деятели последующих веков неоднозначно трактовали роль Никона в истории и культуре российского государства. Одни позиционировали его как разрушителя традиционного религиозного уклада, грубого реформатора русской церкви, властолюбца, имеющего цель захватить государственную власть, другие утверждают, что «патриарх трудился над повышением уровня нравственного состояния духовенства, старался преобразить государственную жизнь, одухотворяя ее высшими, нравственными целями...» [12].

Следует сказать, что А. Доронин не вмешивается в эту полемику, он выстраивает индивидуально-авторскую концепцию образа Никона в соответствии со своим мировосприятием и творческим методом. Национальные исследователи проводят мысль о том, что романист решает весьма сложную эстетическую задачу: «переосмыслить хрестоматийный образ Никона как реформатора и государственного деятеля и создать образ живого человека, тесно связанного со своими национальными корнями. Опираясь на архивный материал, исторические исследования, однако, не оказываясь в плену фактографии, прозаик выстраивает художественную версию, совмещающую в себе концепцию личности исторического деятеля и позицию человека, не нашедшего душевной гармонии, терзаемого сомнениями, не сумевшего полностью реализовать свой потенциал» [1, с. 32]. Роман А. Доронина антропоцентричен, что мотивировано не только субъективными творческими поисками, но и объективными факторами развития национальной художественной словесности. «Изображение человека, раскрытие смысла его жизни, – по утверждению Н. Н. Левиной, – это центральный вопрос современной мордовской литературы» [8, с. 21].

Рассмотрим арсенал художественных приемов и изобразительных средств, используемых А. Дорониным в процессе репрезентации образа Никона. Следует отметить, что жанровые критерии историко-биографического романа требуют объективного и последовательного изложения фактов, событий, обстоятельств. Писатель исторического произведения не имеет права исказить исторические факты, однако, сухое их изложение не несет эстетической нагрузки. Поэтому писатель-историк должен уметь гармонизировать в структуре своего творения документальный материал и художественный вымысел.

Автор романа «Тени колоколов», безусловно, детально изучил и прекрасно знает материал о воссоздаваемой исторической эпохе, жизненном пути и деятельности Никона. В повествовании часто встречаются упоминания и описания географических объектов, имеющих непосредственное отношение к главному герою: родное село Вельдеманово, Анзерский скит, Кожеозерский, Спасский, Соловецкий, Макарьевский монастыри, строительство Нового Иерусалима на Соловках, заточение в Ферапонтове монастыре. Изображение взаимоотношений Никона с Алексеем Михайловичем, протопопом Аввакумом,

боярами, его общественно-политическая деятельность также выдержаны в рамках исторического повествования.

Вместе с тем А. Доронин создает цельное художественное произведение, выстраивает концепцию личности, что потребовало от него использования арсенала изобразительно-выразительных средств, приемов и решений.

Концептуальную роль в романе выполняют образы-символы колоколов и коршуна, сопровождающих все повествование. Концепт «колокола», имеющий христианскую традицию и осмысливаемый как часть православной культуры, вынесен в название произведения. Однако автор, на наш взгляд, отходит от интерпретации колокола как предвестника благодати, образ воспринимается как нечто мрачное, неестественное, что угнетает человека и не позволяет ему реализовать духовное и природное начало. С. В. Шеянова говорит о возможности осмысления данного образа как символа народной жизни, происходящих на русской земле общественно-политических изменений, «нравственного критерия» оценки характера и деятельности Никона и средства прикосновения к философским вопросам бытия: «Образ колокола обретает объемный философский смысл. Он ведет к пониманию необходимости кровной связи человека со своими предками, малой родиной, к обретению более зрелого взгляда на жизнь» [11, с. 271]. Образ колокола в романе становится одним из сюжетобразующих элементов, проводником мысли о том, что язычник, отрекшийся от веры предков, стремящийся найти счастье в «тени колоколов», не может реализовать себя в полной мере. Отсюда авторская идея о почитании веры, традиционной культуры своего народа, о том, что нравственно-этическая сущность личности складывается именно под влиянием этнического составляющего, о тесной взаимосвязи индивидуального, национального и общечеловеческого.

Образ коршуна, имеющий мифологическую традицию, символизирует в романе процесс формирования личности Никона и определяет основные вехи его деятельности. На первых страницах повествования молодой хищник сопоставим с молодым митрополитом Юрьевского монастыря Никоном. Птица и человек полны сил, они испытывают потребность вершить дела, осознают себя хозяевами: Никон – монастыря, коршун – неба. Описания парения птицы насыщают повествование воздухом, бескрайностью, ощущением полета, могущества. Следующее выступление коршуна представляет его главой семейства, у которого много проблем, связанных с заботой о потомстве. Параллельно – Никон – Патриарх Всея Руси, ответственный за судьбу страны и народа. На последних страницах одряхлевший от старости и обессиленный от голода коршун напоминает изгнанного, затравленного, всеми забытого Никона, заточенного в Ферапонтов монастырь. Таким образом, справедливо говорить о самобытной трактовке автором образа коршуна, представленного в динамике, что

является новаторским ходом, традиционной в мировой литературе является статичная форма презентации образов-символов.

Важным средством анализа психологического состояния Никона являются ретроспективные воспоминания, являющиеся, естественно, плодом авторского вымысла, придающие стилю повествования, на наш взгляд, меланхоличность, лиричность, эмоциональность. Монтаж воспоминаний героя о прошлом (семье, родителях, малой родине) не только значительно раздвигает сюжетные рамки нарратива, но и вызывает читателя на размышления об «извечных» вопросах бытия, нравственно-этических основах личности. «Вдруг вспомнился Никону ледоход на Кудьме, речке его детства. Нет уже тех волнительных переживаний, не бежит он смотреть, как ломается лед, и неудержимо несутся куда-то льдины, грозя выпрыгнуть на берег. А ведь Кудьма – дитя по сравнению с Волховом. Но в детстве все казалось великим и могучим. Разлив речки был для мальчика словно всемирный потоп...» [4, с. 24]. Ретроспекция насыщает повествование динамикой, процессуальностью.

Достаточно часто воспоминания переданы в форме несобственно-прямой речи, наиболее мощного средства психологического анализа персонажа: «Было Никону что вспомнить и о чем пожалеть. Какие только пути-дороги не прошел он за всю свою жизнь, каких людей не повидал! Алексей Михайлович святым его считает, к советам его прислушивается. А какая уж тут святость... Сколько греха за свою жизнь принял! Одиночество душит: ни одного близкого человека нет рядом. Была жена любимая, сыновья... А теперь только монахи кругом. И монастырские стены давят» [4, с. 17]. Внутренний монолог-воспоминание способен обнажить самые глубокие психологические движения и порывы. Диалогическое общение не такое искреннее, открытое, доверительное, как монолог, исповедальный, глубокий. Прочитированный отрывок раскрывает весь трагизм Никона, пришедшего к пониманию своей вины, греховности, несостоятельности как сына, мужа и отца. Обращение автора к воссозданию семейно-интимной стороны жизни героя лишают образ схематизма, придают ему осязаемость, доступность, человечность.

А. Доронин строит концепцию человека, сыгравшего значительную роль в культурно-историческом процессе России. Патриарх Никон предстает могущественной фигурой, вершащей судьбу народа и страны, человеком, ратующим за возрождение духовно-нравственных основ и этических принципов бытия. Природа одарила его силой воли, твердым характером, ясным умом. Однако писатель задает вопрос: Принесло ли ему это счастье? Если нет, то в чем кроется причина? В процессе повествования авторская идея оформляется в следующее: человек, оторванный от своих национальных корней, забывший традиции народа, никогда не сможет обрести душевный покой и умиротворение.

Кроме Никона А. Доронин воссоздает целую вереницу образов исторических деятелей – царь Алексей Михайлович, приближенные ко двору бояре, протопоп Аввакум и др. Однако в художественном мире произведения они не играют структурообразующей роли, являются своеобразной лакмусовой бумагой, посредством которой проверяются процессы, протекающие во внутреннем мире Никона. К примеру, в столкновениях с Аввакумом, который не является действующим лицом романа, раскрываются такие черты Никона, как твердость характера, воля, настойчивость в достижении поставленной цели.

Приведенный выше материал подводит к выводу том, что А. Доронин, оставаясь в рамках историко-биографического письма, использует разнообразные художественные средства реализации образа исторической личности, что позволяет представить объективную картину исторической действительности, колоритные сцены национальной жизни, углубить онтологическое и гносеологическое звучание произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Историко-биографический жанр в национально-художественном дискурсе Мордовии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2014. – № 1 (81). – С. 31–36.
2. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 232 с.
3. Демин В. И. Моран Россиясо эсень эрзянь кельсэ...: эрзянь писательде евтнема (Пою в России на своем эрзянском языке...: рассказ об эрзянском писателе). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. – 232 с.
4. Доронин А. Тени колоколов: роман; пер. с морд.-эрзя Е. М. Голубчика. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – 400 с.
5. Гераськин Т. В. Творчество М. Т. Петрова и развитие традиций исторического романа в современной мордовской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1996. – 20 с.
6. Гераськин Т. В., Шаронова Е. А. Русь и Мордва в фольклоре и исторической прозе. – Саранск, 2013. – 328 с.
7. Жиндеева Е. А. Проблема характера в мордовской исторической прозе 1970–1990-х годов: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1997. – 186 с.
8. Левина Н. Н. Современная мордовская повесть. – Саранск, 2003. – 80 с.
9. Федосеева Е. А. Исторический роман Мордовии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 48 с.

10. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.
11. Шеянова С. В. Символика в современном мордовском романе // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – № 4 (26). – С. 269–272.
12. Шмидт В. В. Патриарх Никон: кому нужна мистификация образа русского Святителя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/leftright/472/12582>.

ЩАНКИНА М. В., КЛЕМЕНТЬЕВА Е. Ф.

О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные средства выражения определения в эрзянском языке, уделяется внимание морфологическим признакам данного члена предложения, а также его семантической характеристике.

Ключевые слова: определение, второстепенный член предложения, атрибутивная связь, средство выражения, синтаксис.

SHCHANKINA M. V., KLEMENTYEVA E. F.

ON EXPRESSING ATTRIBUTE IN THE ERZYA LANGUAGE

Abstract. The article considers the basic means of expressing attribute in the Erzya language. The authors focus on the morphological features of this part of a sentence and its semantic characteristic.

Keywords: attribute, subordinate part of a sentence, attributive connection, means of expression, syntax.

Определение – это второстепенный член предложения, который обозначает признак предмета. Определения поясняют члены предложения, выраженные именами существительными (или субстантивированными частями речи).

В эрзянском языке определение является зависимым членом предложения, синтаксически подчиненным имени существительному (или субстантивированной части речи), атрибутивный признак которого обозначает. Определение выступает в тесной связи с определяемым словом, в совокупности они представляют собой объединенную синтаксическую группу. Определение и определяемое слово сочетаются при помощи атрибутивной связи.

Определения, располагаясь в препозиции, всегда сопутствуют другому имени и, определяя его по самым различным признакам, не изменяются ни по какой линии: ни в числе, ни в падеже. Если определение ставится после определяемого слова, то оно приобретает новое значение. При этом меняется и грамматическое значение определяемого слова: *тюжа ал* «коричневое яйцо» (здесь *тюжа* «коричневый» – определение-прилагательное, *ал* «яйцо» – определяемое слово-существительное); *ал тюжа* «желток» (здесь *тюжа* – определяемое слово-существительное, *ал* – определение-существительное), *ливти нармунь* «летающая птица» (здесь *ливти* «летающая» – определение-причастие, *нармунь* «птица» – определяемое слово-существительное); *нармунь ливти* «птица летит» (здесь *нармунь* – подлежащее-существительное, *ливти* – сказуемое-глагол).

В художественных текстах определение может употребляться и после определяемого слова. Тогда оно ставится в форме единственного или множественного числа в зависимости от числа определяемого слова. Например, *Седеезэнь сэтъме читне чачтыть арсемат кувакат, таго тердитъ васов китне...* (А. Сульдина) «В моем сердце тихие дни зарождают мысли **длинные**, опять зовут вдаль дороги» [8, с. 54].

По выделению или не выделению в речи интонацией определения в эрзянском языке делятся на обособленные и необособленные. Остановимся на необособленных определениях.

Необособленное определение обозначает признак предмета как данный и располагается в препозиции относительно определяемого слова. Интонационно оно не выделяется. Такое определение может выражаться:

1) *качественными* прилагательными, обозначая конкретизирующий, атрибутивный признак, качество или свойство предмета в отношении его:

а) цвета: *Ярсамодо мейле маднить (накишатне) тикше ланга ды ваныльть **чопода-сэнь** менельс, косто теишетне невердсть невтеме сиянь валдо* [3, с. 99] «После еды ложились (ребята) на траву и смотрели в **темно-синее** небо, откуда звезды роняли бесконечный серебряный свет»;

б) возрастных признаков: *Кизэнь чокшне ланга, паксясто ды вирьстэ самодо мейле, вальмалов пурнавкиныльть велень весе **од** ломантне* [3, с. 153] «Летними вечерами, после прихода с полей и лесов, под окнами собиралась вся сельская молодёжь (букв. **молодые** люди)»;

в) величины, размера: *Эзь маря (Кузьма), кода чопода нупалентень совавтсть олгсо пеиштязь **поки** кескав...* [4, с. 135] «Не слышал (Кузьма), как в темную комнату внесли набитый соломой **большой** мешок...»;

г) физических качеств людей и животных: *Эрзятне – **виев** раське, – прянь кирдезь мерсь Лексей Кириллыч* [2, с. 137] «Эрзяне – **сильный** народ, – подняв голову, сказал Лексей Кириллыч»;

д) качеств явлений природы и окружающей среды: ... *Таштамковонь **лембе, сэтъме** сундерьгадома шка* [7, с. 174] «... Сентябрьское **теплое, тихое** сумеречное время»;

ж) временной протяженности, протекания во времени; *Кувака теледе налкстазь, цёркатне учить панжозь луганарга кепе чийнемат* [4, с. 17] «Устав от **длинной** зимы, ребяташки ждут бега босиком по открытому лугу»;

з) качеств, воспринимаемых органами чувств: *Эскелямсто ёртсь (орожиясь): – Молян тетъ **тантей** ведне ливтян!* [4, с. 160] «На ходу бросила (ворожея): – Пойду тебе **вкусной** водички вынесу».

Как известно, качественные прилагательные, в отличие от относительных, образуют степени сравнения. Определение может быть выражено прилагательным в форме положительной, компаративной и суперлативной степеней. *Куля саузе лавсьстэнтъ сырнедеяк питней тапаркскентъ, лепитизе мештезэнзэ ды лиссь кудостонтъ* [7, с. 81] «Куля взяла из колыбели сверточек **дороже золота**, прижала к груди и вышла из дома»; *Инелеентъ тона чирева пандтнэ вельтязь сэрейдеяк сэрей сыре вирьсэ* [7, с. 263] «По тем берегам Инелея горы покрыты **высоким-превысоким** старым лесом».

2) В функции определения могут выступать *относительные* прилагательные. Атрибутивный признак, обозначаемый таким прилагательным, выражается не прямо, а через отношения к другому предмету, явлению, действию. *Чихам кучсь ине князенмень питнев казнетъ – сырнень ды сиянь блидинеть, парсеень коцт ды кедень кемть...* [1, с. 331] «Чихам прислал великому князю дорогие подарки – **золотые** и **серебряные** блюда, **шелковую** ткань и **кожаные** сапоги...». Некоторые авторы допускают употребление относительных прилагательных в компаративной или суперлативной форме: – *Мезть кортамс, кискадо кискань эрямо печтятано, – марязденъ апаркстомсь атясь* [4, с. 8] « – Что говорить, **собачью-пресобачью** жизнь проживаем, – от услышанного расстроился старик».

3) Определение довольно часто бывает выражено именем *существительным* в форме косвенных падежей или существительным с послелогом.

Определения, выраженные существительными в косвенных падежах, обозначают признак, характеризующий определяемый предмет в соответствии со значением падежа. В роли определения более используемы существительные в форме генитива, компаратива и абессива, малоупотребляемы в этой функции латив, иллатив, транслатив. Использование определения-существительного в *генитиве* многообразно. Формы его выражают различные оттенки значений: *Иван Дмитриевичень прясо стака мельтне кеверькинешть прок сыргозстезь чадыведень увтт* [3, с. 80] «В голове **Ивана Дмитриевича** тяжелые мысли переворачивались как гул проснувшегося половодья». Определение может быть выражено существительным в *дативе*: *Пазнэнь кемемасонтъ весе нардесь, тень а кекшсак* [4, с.19] «В вере в Бога (букв. **Богу**) вся сила, этого не скроешь». Определение, выраженное именем существительным в *аблативе*, малоупотребительно. Чаще всего оно обозначает атрибутивный признак члена предложения, выраженного отглагольным существительным. *Кузьма Алексеев ловнось кулозетнеде озкс* [4, с. 46] «Кузьма Алексеев читал молитву **об усопших**». Определение, выраженное именем существительным в *инессиве* и *элативе*, обозначает атрибутивный признак предмета по отношению к пространству, местоположению: *Лавтовганзо (Оксянь) каязь шожда сумань, кедялонзо – лакавтозь ведь*

марто кедьге ды келейгерень кептернесэ кошксетъ [4, с.12] «На плечи (Окси) накинута легкий зипун, на руках – с кипяченной водой посуда и в берестяном **кузовке** сухари».

Определение, выраженное именем существительным в *лативе*, в эрзянском языке встречается редко. Оно обозначает атрибутивный признак предмета по местоположению, пространству: *Вельяминов воеводасъ таго ледстизе кудов молемантъ* [1, с. 125] «Воевода Вельяминов опять напомнил об уходе **домой**». Определение, выраженное именем существительным в *иллативе*, в эрзянском языке также встречается редко. Оно обозначает атрибутивный признак члена предложения, выраженного отглагольным существительным: *Вейке-вейкенъ кунсолозь, кортнезь, эзизь редяк киулос пачкодемаст* [7, с. 30] «Слушая друг друга, разговаривая, и не заметили, как дошли до проулка (букв. **до проулка** ходьбу)». Определение, выраженное именем существительным в *компаративе*, обозначает признак предмета путем сравнения или признак по отношению к другому предмету. *Домка сормсевксэ керсезь чамаванзо (Окся бабанъ) кивчкадсь мизолкс, ... чамаумарьганзо кеверсть кснавишка сельведтъ* [3, с. 84] «По исчерченному глубокими морщинами лицу (бабы Окси) сверкнула улыбка, ... по ее щекам текли слезы **с горошину**». Определение, выраженное именем существительным в *абессиве*, обозначает черты, особенности, состояние предмета и является достаточно распространенным: *Весе, покшинэк-вишканек, кептеръ марто сралестъ певтеме чувттнэнь юткова* [4, с. 102] «Все, и большие и маленькие, с лукошками разошлись среди **бесконечных** деревьев». Именно в абессивных формах наиболее ярко проявляется процесс адъективации существительных.

Определение может быть выражено *существительным с суффиксом -ма*: *Куля фермань оришамонзо апак кая совась кудос, саизе морганъ эземстэ потявтома ведрантъ...* [7, с. 23] «Куля, не снимая одежду с фермы, зашла в дом, взяла с лавки ведро **для дойки**...».

Широкое распространение в эрзянском языке получили определения, выраженные *абсолютной формой* (формой именительного падежа) *существительного*: *Паксятне сельме икеле пижселгадсть, сюротне канстенъ сэръ кепететсть, коштось качадсь нартемкс сэшитсьэ* [4, с. 162] «Поля перед глазами зазеленели, хлеба с коноплю поднялись, воздух пах горечью **полыни**».

Как мы уже сказали, определение в эрзянском языке может быть выражено именем *существительным с послелогом*. Имена существительные при этом чаще всего выступают в форме родительного падежа основного, указательного и притяжательного склонений, реже – в абсолютной форме. Такое определение обозначает разнообразные оттенки значений благодаря множеству послелогов в эрзянском языке и множеству оттенков значений падежей имен существительных. Например: *Нилексть Григорь Мироныч чопавтнесь кельме ведь*

марто парентень, нилексть кузньесь полуклангов [4, с. 85] «Четырежды Григорь Мироныч окунался в кадку с холодной **водой**, четырежды поднимался на полук».

4) Широкую сферу употребления в эрзянском языке имеет определение, выраженное именем *числительным*. Оно называет отвлеченные, лишенные предметности, числовые понятия, определенное количество предметов, порядок предметов при счете, а также совокупность сосчитанных предметов. Определение, выраженное *количественным числительным*: *Скал макссь, панарт-руцят. Кавто покш парть ды колмо целковойть – омбоце скал, ловт, рамат* [4, с. 34] «Корову дал, рубахи-платья. **Две** большие кадки и **три** рубля – вторую корову, считай, купишь». Определение, выраженное *порядковым числительным*, определяет предмет по его положению в порядке счета: *Семиясь – аволь сивекст, сон верде максневи, сисемеце менельстэнтъ* [4, с. 33] «Семья – не хомут, она сверху дается, с **седьмого** неба».

5) Определение в эрзянском языке достаточно часто может быть выражено *местоимениями*. Такое определение обозначает признаки, соотносительные со значением соответствующих разрядов местоимений. Например: *Тейтерентъ каршо лиссь та-кодамо а содавикс цёра* [4, с. 129] «Навстречу девушке вышел **какой-то** незнакомый парень».

6) В эрзянском языке весьма распространены определения, выраженные *причастием*. В роли определения употребляются как действительные, так и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. Следует подчеркнуть и тот факт, что причастия могут быть как одиночные, так и с зависимыми словами (причастные обороты). Например: *Олазь чиньжсарамо прякс валгиця ковось меельцеде кивчкадсь сизезь варишавкссонзо ды конинзе сельметнень* [3, с. 349] «Выцветшей подсолнечной головой **заходящая** луна последний раз сверкнула **уставшим** взглядом и закрыла глаза».

7) Определение, выраженное *наречием*, встречается весьма редко. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, не все наречия могут входить в сочетание с определенным словом, с другой стороны, далеко не все имена существительные (или субстантивированные слова) поясняются наречиями: *Яксестъ неть атя-схимниктне рудазов оршамкасо маласо велетнева...* [4, с. 111] «Ходили эти старики-схимники в грязной одежде по ближним (букв. **близко**) селам...».

8) *Инфинитив* в роли определения также встречается редко, так как эта форма глагола является слишком общей категорией. Например: *Аштесь-тейсь ушосо, апак учо сась тензэ (Вечкановнень) мель куземс Пор пандонтъ пряс* [3, с. 262] «Посидел дома, неожиданно появилось у него (Вечканова) желание **подняться** на вершину Пор горы».

9) В функции определения могут выступать *имитативы* (наречийно-изобразительные слова): *Марявсь ансяк ведентъ дор-дор чудемазо ды пазонь нолдавт нармунтнень нусманя*

чоледемаст [4, с. 97] «Слышалось только **дор-дор** журчание воды и грустное пение выпущенных богом птиц».

10) Кроме рассмотренных выше случаев, определение в эрзянском языке может быть выражено *словосочетанием*. Это может быть фразеологизированное или синтаксически неделимое сочетание слов. *Ёжонь кольстиця пиземеденть ды чавонь кедть аштемадо Кузьма урядась кардо* [4, с. 111] «От **портящего настроение** дождя и сидения сложа руки (букв. **с пустыми руками**) Кузьма убирал хлев».

На основании рассмотренного нами материала, можно сделать вывод о том, что основным средством выражения определения в эрзянском языке является прилагательное. Кроме того, в функции данного члена предложения могут употребляться и другие части речи: местоимения, числительные, причастия, наречия, междометия. Весьма продуктивны определения, выраженные именами существительными в различных падежных формах. Это связано с особенностями эрзянского языка, а именно – богатой падежной системой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Г. Пургаз: Кезэрень пингедэ ёвтнема. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. – 480 с.
2. Доронин А. М. Баягань сулейть: Роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 1996. – 480 с.
3. Доронин А. М. Кочкодкесь – пакся нармунь: Роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 1993. – 384 с.
4. Доронин А. М. Кузьма Алексеев: Роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 2001. – 400 с.
5. Егорова А. С. О принципах выделения категории определения в эрзянском языке // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1976. – С. 81–89.
6. Колядёнков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Синтаксис. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. – 332 с.
7. Нуянь Видяз Ванине: Роман. – Саранск, 2011. – 288 с.
8. Эрзянь кель. Синтаксис: тонавтнемапель / Н. А. Агафонова, Р. А. Алёшкина, Г. Ф. Беспалова [ды лиятне]; анокстась Д. В. Цыганкинэнь ветямонзо ало. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с.

ИКОННИКОВА О. С.

**РОМАН М. САЙГИНА «РАЗЛОМЫ» В РАЗВИТИИ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
МОРДОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются художественные особенности романа М. Сайгина «Разломы». Проводится анализ новаторских достоинств произведения, значительно обогатившего традиции мордовской национальной историко-революционной романистики.

Ключевые слова: роман, романистика, новаторство, эпическая традиция, историко-революционная проза.

IKONNIKOVA O. S.

**EPIC TRADITIONS IN MORDOVIAN HISTORICAL NOVEL:
A STUDY OF M. SAIGIN'S NOVEL "RIFTS"**

Abstract. The article considers the features of the novel "Rifts" by M. Saigin. The author analyzes the innovatory value of the novel in the framework of Mordovian national historical and revolutionary novel.

Keywords: novel, novelism, innovation, epic tradition, historical and revolutionary prose.

В современную эпоху эстетическое и познавательное значение историко-революционной прозы заключается, на наш взгляд, в реалистическом воссоздании событий и обстоятельств сурового переходного времени, осмыслении роли отдельного человека и групп людей в судьбе страны, реставрации колорита прошлого, анализе побед и совершенных ошибок с тем, чтобы проецировать их на будущее и никогда не повторять. Первые десятилетия XX столетия – трагическое и противоречивое время в истории России. Художественное исследование этого периода дает возможность читателю поразмышлять не только над острыми социально-политическими проблемами прошлого и современности, но и глубокими философскими вопросами бытия. В актуализации извечных онтологических проблем заключается актуальность и востребованность историко-революционной прозы. Произведением такого уровня является роман М. Сайгина «Разломы», ознаменовавший заключительный этап становления мордовской историко-революционной романистики.

Следует сказать, что среди мордовских исторических романов значительная часть – историко-революционные повествования. Данный факт исследователи объясняют следующим образом: «... в эпоху массовых движений, социальных катаклизмов гуманистические идеи романа, утверждавшего абсолютную ценность личности, вступают в противоречие с процессом обесценивания человеческой личности. Антропоцентризм романа,

строящегося вокруг одной или нескольких человеческих судеб, сменяется аморфностью многофигурных композиций, героем эпоса становится масса людей, толпа. Данная тенденция, свойственная мордовской литературе еще начала XX века сохранилась и в дальнейшем, что обусловило создание большого числа произведений, описывающих периоды значительного общественного напряжения (Октябрьская революция, Гражданская война, коллективизация)» [2, с. 281]. Социально-политические условия первых десятилетий прошлого столетия, роль личности в революционном изменении жизненного уклада, трагизм времени и судьбы страны находят осмысление в романах А. Куторкина «Черный столб», «Яблоня у большой дороги», «Бурливая Сура», К. Абрамова «Лес шуметь не перестал», «Люди стали близкими», А. Мартынова «Дорогой отцов», А. Щеглова «Дважды рожденный» и др. Несмотря на идеологическую окрашенность многие произведения и в начале XIX века не утратили своей художественной ценности.

Роман в трех книгах М. Сайгина «Разломы» стоит в ряду таких образцов исторической прозы и одновременно является новаторским опытом мордовской литературы. В нем автор заявил о себе не только как знающий дело мастер слова, но и как серьезный историк. При работе над сюжетной линией и композиционными ходами им были использованы научные труды мордовских историков М. В. Дорожкина, К. А. Каткова, И. А. Яшкина, В. А. Юрченкова, а также газетные публикации, относящиеся к описываемому периоду.

Писатель с эпическим размахом реконструирует факты из истории мордовского края и всей России (Первая мировая война, перестройка деревни, Гражданская война, коллективизация), при этом масштабность, панорамность нарратива не заглушает нравственно-этической проблематики и индивидуальных «голосов» действующих лиц. Романист представляет объективную картину качественных изменений не только в общественной жизни и быту, но и в народном сознании, мировоззрении людей, оказавшихся в жестоких, порой нечеловеческих тисках «великих переломов» и «проломов». Особое внимание уделяется воссозданию жизни мордовского крестьянства в годы революций и коллективизации сельского хозяйства.

М. Сайгин – романист с большим творческим багажом (трилогия «Ураган», «Глубокие корни», «Теплый ветер»). Он творит в традициях мордовской исторической прозы, преемственно продолжает эстетические поиски А. Куторкина, Т. Кирдяшкина, К. Абрамова, А. Мартынова, А. Щеглова, но как самобытная творческая индивидуальность обогащает данное направление новыми образами, проблематикой, путями и средствами ее воплощения.

Справедливо говорить о новаторских чертах романа «Разломы», проявляющихся, по утверждению С. В. Шеяновой, «...в содержательных и структурно-стилевых доминантах произведения, определяющихся синтезом эпического художественного сознания с тенденцией к философизации повествования, преобладанием лирико-психологической ветви эпической традиции, новофункциональным использованием элементов устного народного творчества и бытописания» [3, с. 120]. Следует добавить, что новаторским является сам подход М. Сайгина к решению темы коллективизации и сталинских репрессий. К сожалению, в мордовской литературе данный круг вопросов не относится к художественно подробно разработанным. Тем весомее вклад писателя в развитие традиций исторической прозы.

Первая книга «Душевой надел» повествует о предреволюционной жизни мокшанского села Ежовка. В центре внимания автора судьба семьи Луки Пахомова. Уже первое событие, описанное в самом начале повествования, – рождение второго сына Луки – дает представление об укладе деревенской жизни. Со слов молящего Господа о рождении сына, а не дочери, героя читатель узнает, что «...женскому полу душевых наделов не отмеряют. А есть и пить они все равно просят. Несправедливо же это, Господи...» [1, с. 7]. В сердцах он стал перечислять порядки на селе: беднякам выделялась самая плохая земля, на которой кроме овса и ржи ничего не растет, поэтому у многих выращенного урожая не хватало, приходилось занимать у местного богача Цягодая, потом отдавать после уборки, потом снова занимать, и так по замкнутому кругу кабалы и зависимости. В такую долговую яму попал и Лука, что привело семью к трагедии – гибели старшего сына Кольки, простывшего на работах у Цягодая. Данный момент становится завязкой конфликта между Пахомовым и Келаськиным, который следует интерпретировать не как межличностный конфликт, а социальный – противоборство социальных слоев (крестьянство и кулачество), двух идеологий, мировоззрений. Противостояние Луки и Цягодая в дальнейшем получает символический подтекст: извечная борьба света и тьмы, добра и зла, справедливости и бесчестия. Если Пахомов – воплощение народной нравственности и морали, то Цягодай – приспособленец, который живет, руководствуясь не этическими принципами, а в поисках собственной выгоды и материальной наживы.

Первая часть романа подводит к размышлениям о земле, ее цене для крестьянина, Первой мировой войне, организации и роли крестьянских артелей. Повествование реалистично, насыщено бытовыми деталями, образы типичны и индивидуализированы одновременно, речь персонажей построена на нормах разговорного языка, что в совокупности воссоздает полноценную картину деревенской жизни начала XX столетия.

Кульминацией второй книги «Кровавый закат» и романа в целом является сцена расправы местных кулаков над продотрядовцами и артельщиками, в числе которых была и семья Луки Пахомова. «Несколько телег, составленных вместе, сгорели почти дотла. В стороне от повозок были свалены мертвые тела сожженных и убитых артельщиков. Раненых не было, видно, добивали в упор. Семен лихорадочно принялся растаскивать тела. В самом внизу, подтянув ноги к животу, лежала женщина. Он узнал ее, ...осторожно перевернул Просу лицом вверх. На груди темнела большая пробоина. Когда он переворачивал сестру, из-под нее, всхлипывая, выполз окровавленный комок. Это был Минька, весь залитый кровью...» [1, с. 271]. Очевидно, описание трагической картины выдержано в натуралистических тонах. Однако об убийстве, нечеловеческом поступке, необходимо писать жестко, без прикрас. Мы не вправе давать однозначную оценку историческим событиям, однако данная сцена убедительно показывает, кто в то сложное время взял на себя право вершить суд над людскими судьбами, и на чьей стороне оказывается автор.

В данной части романа остро поставлены вопросы о проведенной “всеми правдами и неправдами” коллективизации деревни. Если в произведениях 1950–1980-х гг. этот процесс был представлен в несколько патетических тонах, то М. Сайгин предельно достоверен и не обходит стороной тот факт, что достаточно часто «кулаками» называли середняков-тружеников. В круге обозначенной проблемы интересен образ Нестора Пахомова, старшего брата Луки. Нестор был мастеровой человек по кожевенному делу, столярной и плотницкой части. Семья имела добротное хозяйство, однако делами управлял сам Нестор и его сыновья, работников они никогда не держали, тем не менее, старший Пахомов был объявлен «кулаком» и «раскулачен», иными словами разграблен, унижен, оклеветан.

Автор проникает глубоко во внутренний мир человека труда, анализирует его поступки, поведение, мировоззрение и приходит к выводу о том, что именно на таких «кулаках» веками держалась российская деревня, но в угоду приказам и постановлениям высшей власти она была растерзана. В романе об этом повествуется в форме несобственно-прямой речи Луки: «Помещиков – долой, кулаков прижали, так ведь и крестьянину-бедняку совсем жизни не стало. Земли добавили – это хорошо, да ведь разверстка хуже засухи амбары опустошает. Мужика попроси раз – он даст, вдругорядь попроси – пояс потуже затянет и опять даст. И вот на тебе, опять декрет – опять неси зерно. Лука-то ведь сам хлебороб, знает, сколь у кого и на что зерна припасено. А то ведь ищут излишки, которых нет. Идут к мужику за последним пудом...» [1, с. 272]. Подобные внесюжетные экспозиции выполняют в повествовании несколько функций: актуализируют сложные общественно-политические проблемы (вопрос о национальной политике и поддержке крестьянства),

воссоздают особенности жизни народа в период НЭПа и коллективизации, раскрывают уровень самосознания отдельных персонажей.

Третья часть романа «В тяжкую пору» тематически несколько отличается от первых двух не только пространственно-временными границами, но и стремлением автора актуализировать проблемы становления национальной интеллигенции в 1930-е гг. Последняя книга «Разломов» «стала одним из первых крупных произведений в мордовской литературе, где «открытым текстом» передана вся правда о культе личности Сталина, драматизме и неопределенности того периода. Стремление автора масштабно изобразить жизнь привело к рассмотрению ее в историческом разрезе и показу сегодняшнего в тесном сплетении и сравнении с прошлым» [4, с. 61]. М. Сайгин глубоко осознавал, что настоящее взаимосвязано с прошлым, а без прошлого нет будущего. Данная мысль придает роману актуальность и философский оттенок.

В третьей книге особый исследовательский интерес вызывает образ председельсовета Матвея Каргина, возглавившего в Ежовке не только колхозное движение, но и антирелигиозную кампанию. Матвей считал, что с работой ему повезло. На земле трудиться он не умел и не любил, отцовского ремесла печника не освоил, а в сельсовете место «обсиженное», «теплое». Особенно гордился борец с «очагом религиозного дурмана» заготовленными антипасхальными лозунгами: «Против Пасхи – за большевистский сев», «Силы ударных безбожных бригад – на выполнение промфинплана» [1, с. 336. Однако борьбу со стариком Тихоном Мазиним, священником местной церкви, он ведет не из-за его деятельности, а из-за личной неприязни к сыну Тихона – Кузьме. Люди давно раскрыли «бюрократическую» душу Каргина, не любили и не уважали его. Свое отношение к антирелигиозной пропаганде автор выразил посредством слов священника Мазина: «В церковь ходить Советская власть никому не запрещает. Мы сюда силком никого не заманиваем. А коли народ к Богу тянется, так ты ему не мешай» [1, с. 339]. Следует сказать, что никто из предшественников М. Сайгина не затрагивал вопросов религии и власти, советская идеология за них однозначно решила этот спор. М. Сайгин, как самый поздний представитель историко-революционного направления в национальной прозе, имел возможность реабилитировать умышленно замалчиваемую тему.

Таким образом, роман М. Сайгина «Разломы» следует оценивать как органичное звено в процессе развития мордовской исторической романистики. Согласимся с мнением литературоведа С. В. Шеяновой о том, что он «решает задачу, общую для всего литературного процесса последних десятилетий, – крупное, цельное изображение характера, художественное исследование исторически обусловленной психологии конкретного человека, личности» [4, с. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайгин М. Разломы: роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 432 с.
2. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман: вопросы жанра, истории и поэтики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 11. – С. 280–288.
3. Шеянова С. В. Обновление эпической традиции в историческом романе М. Сайгина «Трудное счастье» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 1 (2). – С. 119–122.
4. Шеянова С. В. Современная мордовская проза (на материале творчества М. Сайгина). – Саранск, 2007. – 76 с.

НИКУШИНА С. Л.

**ПСИХОЛОГИЗМ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
В ПОВЕСТИ Н. МИРСКОЙ «ОДУВАНЧИКИ»**

Аннотация. Психологизм является особым стилеобразующим качеством повести Н. Мирской «Одуванчики». В статье анализируется система художественных форм, способов, приемов, направленных на глубокое и детальное раскрытие внутреннего мира героев, определяются принципы сюжетно-композиционного построения данной повести как образца современной мордовской прозы.

Ключевые слова: психологизм, повесть, герой, психологический анализ, художественные средства, диалог, внутренний мир, сюжет, композиция.

NIKUSHINA S. L.

**PSYCHOLOGISM AS A LITERARY AND AESTHETIC CHARACTERISTIC
OF THE STORY "DANDELIONS" BY N. MIRSKAYA**

Abstract. Psychologism is a special quality that forms the style of the story "Dandelions" by N. Mirskaya. The article analyzes the literary forms, means and ways used to reveal the inner world of the characters. The author studies the principles of plot and composition construction of the story as a sample of modern Mordovian prose.

Keywords: psychologism, story, character, psychological analysis, literary means, dialogue, inner world, plot, composition.

Современная мордовская повесть, продолжая развивать традиции предшествующей эпохи, стремится многогранно, с разных ракурсов раскрыть многообразие и сложность человеческого характера. «Усиление интереса к отдельной личности, ее внутреннему миру стало одной из основных тенденций в эволюции мордовской повести последних десятилетий» [3, с. 181]. Поиски мастеров слова в изображении глубинного внутреннего мира человека стимулировали расширение системы художественных форм, способов, приемов психологизма. Углубление психологизма, как художественно-эстетической ценности, становится также показателем авторской аксиологии и мировоззрения.

Психологизм в качестве одной из основных стиливых доминант утвердился в творчестве ряда мордовских прозаиков. Внутренний мир человека получает специфическую интерпретацию и оценку в произведениях Г. Пинясова, Н. Мирской, И. Кудашкина, В. Мишаниной, А. Тяпаева, Г. Петелина, В. Кижняева и др. Завоевания авторов выразились в создании глубоких психологических характеров, расширении арсенала художественных

средств.

Особым качеством художественности психологизм становится в повести Н. Мирской «Одуванчики». Всю систему средств и приемов автор направляет на полное, глубокое и детальное раскрытие внутреннего мира героев. Свой идейно-художественный замысел писатель воплощает через женские образы. Это Антонина, Катерина, Верочка, Лера, Раечка, Степанида, Клавдия Акимовна. Многих из них автор наделяет большим жизненным опытом, а некоторые только начинают жить. Общая беда, болезнь, собрала женщин в больничной палате. В тяжелые минуты болезни человек по-иному начинает смотреть на окружающий мир, переоценивать то, что осталось уже в прошлом. В таком положении оказались многие героини повести. Н. Мирская умело высвечивает мельчайшие детали их души, пристально и глубоко заглядывает в их внутренний мир.

Средствами художественного выражения душевного состояния своих героинь Н. Мирская избирает психологическую детализацию, портретирование, повествовательные формы (внутреннюю и внешнюю речь персонажей, диалоги, авторские комментарии). Мастерски разработанные писателем, они выполняют важную сюжетно-композиционную роль и являются емкой художественной категорией. Особая разработанность художественных средств и приемов создает форму реалистического изображения больничных будней, в которых раскрываются характеры героев. Доминирующим средством обнажения глубинных чувств персонажей, их психологического состояния автор избирает диалог. Во время откровенных задушевных разговоров между собой больные женщины посвящают читателя в самое сокровенное, что накопилось у них на сердце. Писатель создает речь своих героинь достаточно образной, экспрессивной.

Острые конфликтные ситуации, открытые столкновения в повести отсутствуют, но важный принцип композиционного построения – посвящение отдельной главы каждой героине – позволяет автору полностью раскрыть психологическое состояние персонажей, избежать их упрощенной трактовки.

В одной из глав автор раскрывает широкую палитру психологического состояния Антонины Приказчиковой. Этот образ занимает особое место в повествовательной структуре произведения. Антонина уже целый год находится в больничных стенах. Когда надежды на выздоровление и выживание не было ни у родных, ни у нее самой, самый близкий человек, которому она посвятила жизнь, бросил ее больную. Но теперь Антонина возвращается к жизни, самое тяжелое время позади, и привычные заботы и тревоги снова одолевают ее. Автор наделяет свою героиню большим жизнелюбием. Антонина хочет жить потому, что она мать, а дети ее еще не устроены в жизни. Материнская любовь поднимает ее изо дня в день с

постели. Она привычно «допрашивает» навещавшую ее дочь, которая изо всех сил старается не волновать свою мать. Но Антонина догадывается, что девочке-десятикласснице очень трудно одной справиться со всеми домашними делами. В невинных вопросах женщины прослеживается ее сложный внутренний мир, истоки душевных мук и страданий.

Богатство и сложность внутреннего мира, новые тонкости души героини раскрывает автор в главе «Стихи». Стихи были о молодости, о фронтовых дорогах Антонины и вызвали в ее душе бурю эмоций. Случилось так, что судьба не соединила Антонину с фронтовым другом Федей Громовым. Его место занял Павел, местный, деревенский. Мать Антонины также сыграла большую роль в судьбе дочери. Не хотела она отправлять ее в далекую Сибирь к какому-то незнакомому Феде, если рядом есть Павел. Да и с родными местами, которые за годы войны стали особенно дороги Антонине, расстаться было очень тяжело. Так и связала женщина свою судьбу с человеком, бросившим ее в самый тяжелый момент.

Анализ эмоционального состояния героини достигает наивысшего напряжения в момент признания матери умирающей Антонине. Обида на Павла, бросившего и забывшего дочь, подтолкнула мать сделать признание в том, что она скрывала письма и телеграммы Федора. А еще – желание быть прощенной:

« – Ты... Ты того, доченька. Ты ничего не знаешь. Скрыли мы от тебя. Твою телеграмму я тогда не отправила. – Телеграмму? Почему она сразу поняла, какую телеграмму? Неужели она все это время... все это время думала? Помнила?

– Да и Павел очень просил, – услышала она.

– Павел? При чем тут Павел? Я же с тобой. Только с тобой...

– Он все знал. Это я... Я посоветовалась с ним, когда с телеграммой-то...

– «Он все знал. Он все знал? Я одна ничего не знала», – бешено забила мысль, уплывая куда-то, растворяясь, становясь неуловимой, неосязаемой, неосязаемой... К чему это? К чему это теперь?».

– Все я, я... Хотелось, как лучше. Чтоб рядом ты... Но и это было не все. И это еще не все.

– Этот... Федя-то, Громов который, телеграммы тебе присылал. Все удивлялся, почему молчишь. Ты не думай о нем худого. Писем сколько было. К телефону даже вызывал. Приехать хотел, да я удержала: «Забыла она, – говорю, – тебя, забыла. Детки у нее уже. Теперь не мешай. Забудь и ты ее». Сказать вот тебе решила, чтоб на него какой обиды не держала. Все – я. Меня кляни. Но знай: лучше тебе хотела сделать, лучше...

– Антонина лежала потрясенная. Слушала машинально. И не слушала. Голос матери был для нее в тот момент как шелест дождя за окном, как шорох листьев под метлой

дворника, как капель в пасмурный день – совсем не звонкая. Очищение. Очищение...

Боль отступила. Боли не было. Что эта за боль в сравнении с жизнью? Ее жизнью...» [5, с. 80-81].

Долгие месяцы физических страданий и боли не очерствели душу Антонины, не лишили ее еще одного человеческого качества – умения прощать. Она смогла простить вернувшегося Павла.

Эмоциональный мир персонажей повести полон драматизма и переживаний, но Н. Мирская не стремится к подробному описанию всего процесса душевных движений действующих лиц. Писательница избирает путь воспроизведения, фиксации их психологического состояния в определенный момент жизни. Таким моментом в жизни героинь повести, как уже было указано выше, становится период болезни, сложного жизненного испытания, когда женщины по-иному оценивают прожитые годы, переосмысливают то, что осталось позади, пытаются выявить причину жизненных неурядиц. Так, например, в главе «Ошибка» раскрывается богатый внутренний мир Клавдии Акимовны, имеющей за плечами горький опыт. Автор через рассказ героини поведал ее жизненную историю. В этом монологе обнаруживаются качества, скрывающиеся за неприметной одинокой жизнью старой учительницы: высокие нравственные требования к самой себе. За короткий срок женщина лишилась самых близких людей. Клавдия Акимовна ищет ответ на вопрос: в чем ее ошибка, почему судьба так жестока к ней? В момент душевного опустошения, замкнутости сердечной отдушиной для старой женщины становится простое человеческое внимание. Способностью на глубокие чувства наделяет автор еще одну героиню – Степаниду, добрую, внимательную, чуткую к чужой беде женщину. Ее счастье заключается в том, что она достойными людьми вырастила детдомовских сирот. Заботы и ласки женщины хватает на всех, что делает этот образ наиболее привлекательным. Более полному раскрытию психологии женщин способствует также включение эпизодических персонажей – мужских образов, упоминающихся в диалогах, внутренних монологах, полемических рассуждениях.

Как уже подчеркивалось выше, в повести отсутствуют острые конфликтные ситуации, открытые столкновения. Автор отдает предпочтение конфликтам внутренним, происходящим в душе каждой героини. Внутренние коллизии у всех различны. Но в любом случае духовный мир любой женщины насыщен обилием острых ситуаций, различных эмоциональных состояний, драматических моментов.

Своих героинь Н. Мирская объединяет желанием жить, выздороветь, но все они «индивидуализированы, наделены своеобразными речевыми характеристиками. Отличается

и язык повествования. Н. Мирская включает диалектную речь, часто использует простые предложения, парцеллированные конструкции, что придает повествованию лаконичность, точность и выразительность» [4, с. 43].

Таким образом, психологизм, являясь емкой художественно-эстетической категорией, важным стилеобразующим качеством, представляет собой одну из специфических черт повести Н. Мирской «Одуванчики». Писательница проявляет интерес не просто к характеру персонажей, а, прежде всего, к их внутренней составляющей: мыслям, переживаниям, чувствам. Творческая реализация методов и средств психологического анализа позволила автору представить читателям своих героинь людьми, обладающими своим неповторимым внутренним обликом, найти оригинальное изображение человеческих характеров в повести, особенность которой заключается еще и в том, что «автор не допускает излишней навязчивости в нравоучениях, не дает своей оценки тому или иному поступку (это предоставляется самому читателю), но в то же время его позиция достаточно ясна, хорошо развивается самим ходом развития действия» [1, с. 123].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брыжинский А. И. Процессы жанрового развития мордовской прозы (50-90-е годы). – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1995. – 192 с.
2. Кудрявцева Р. А. Художественная деталь как прием психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века (на примере рассказа Геннадия Алексеева «Жаркий день») // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 5 (143). – С. 61–66.
3. Левина Н. Н. Мордовская повесть 70–90-х гг. XX в.: к вопросу о поэтике жанра // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2014. – Т. 30. – № 2. – С. 179–184.
4. Левина Н. Н. Современная мордовская повесть: учеб. пособие. – Саранск: Крас. Окт., 2003. – 80 с.
5. Мирская Н. М. Проходной балл: Повести и рассказы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – 272 с.
6. Шеянова С. В. Своеобразие психологизма в романе А. Доронина «Перепелка – птица полевая» // Филология и культура. – 2010. – № 22. – С. 241–246.

ТЕРЕМЯЗЕВА О. В.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ

РОМАНА Е. ЧЕТВЕРГОВА «ТЕСЭ ДЫ ТОСО» («ЗДЕСЬ И ТАМ»)

Аннотация. В статье исследуются пространственно-временные границы нарратива в эпистолярном романе Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо», определяющие не только жанровую природу произведения, но и авторскую концепцию мира и человека.

Ключевые слова: эпистолярный роман, пространственно-временной континуум, хронотоп, мифопоэтика, концепция.

TEREMYAZEVA O. V.

SPACE-TIME CONTINUUM OF THE NOVEL

"HERE AND THERE" BY E. CHETVERGOV

Abstract. The article considers the space-time narrative boundaries of the epistolary novel "Here and There" by E. Chetvergov. They define not only the genre features of novel but also the author's conception of the world and man.

Keywords: epistolary novel, space-time continuum, chronotope, mythopoetics, conception.

Пространственно-временные отношения в художественном пространстве, определенные М. М. Бахтиным как «хронотоп», являются одной из составляющих эстетическое целое. Хронотоп, по утверждению ученого, «имеет существенное жанровое значение», им «определяются жанр, жанровые особенности ... и образ человека в литературе» [1]. Таким образом, осмысление пространственных и временных примет в литературном произведении подводит к объективному восприятию жанрово-стилевых характеристик текста и духовно-нравственной сущности характеров. Именно стремлением эксплицировать формально-содержательные признаки романа эрзянского писателя Нуянь Видяз (Е. Четвергова) «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там»), оценивать нравственно-этические позиции и принципы участников эпистолярного дискурса мотивировано наше обращение в данной статье к исследованию пространственно-временного континуума произведения.

По мысли М. М. Бахтина, «ведущим началом в хронотопе является время» [1], которое в художественном контексте способно сгущаться, уплотняться, становиться художественно-зримым. Рассмотрим категорию времени и формы ее реализации в анализируемом романе. Литературовед С. В. Шеянова утверждает, что «художественное время в романе Е. Четвергова «Здесь и Там» сложное, предстает как переплетение основного (настоящего) времени (времени переписки – с января 1999 по январь 2003 года), прошедшего, реанимируемого с помощью воспоминаний героев, и вневременного [5, с. 36].

Наиболее широкий временной пласт – прошлое. Оно заминает несколько десятилетий. Воспоминания о прошлом Вияны и Валдая эмоциональны, лиричны и драматичны одновременно. Лирическую струю приносят искренние признания героев, откровения, ощущение молодости, полноты жизни. Вот как героиня вспоминает о весне, теплом лете: «Весной круглолицее солнце словно ласкает лицо Земли. Любила, помню, высоко запрокинув голову, наблюдать за полетом птиц, пока они не скроются в синеве небес. Через какое-то время они вновь выныривали из нее, приветствуя окружающее своей песней... В жаркий летний день любила лежать на спине и долго смотреть в успокаивающую сердце небесную тишь. Растянешься, бывало, на зеленой траве, положишь руку под голову, уткнешься в синеву, будто сама растворяешься в ней...» [2, с. 8] (Перевод здесь и далее подстрочный. – *О. Т.*). Трагизм воспоминаний заключается в том, что они не бесконечны, героиня словно просыпается ото сна и осознает свое положение – вернуть прошлое невозможно.

Из воспоминаний героев читатель узнает историю их взаимоотношений. Много лет назад молодые Вияна и Валдай были влюблены друг в друга, встречались, делились своими впечатлениями. Однако они не смогли создать семью, хоть всю жизнь жили воспоминаниями о нежных отношениях молодости. Вот как Валдай вспоминает события сорокалетней давности: «Сегодня, Вияна, у нас день скорби: сорок один год со дня нашей разлуки. Целая жизнь! Словно несколько минут. Не верится! Словно вчера все было. Вспомню – детали перед глазами встают... О расставании не было сказано ни слова. Верили, придет завтрашний день, потом следующий, так и будем встречаться на этом месте. «До завтра», – сказала ты улыбаясь и быстро встала. До завтра... Нет, не дождались мы завтра, не пришло оно...» [2, с. 21-22]. Прошлое для героя – настоящее. В его памяти живы образы, детали, эмоции. Подобные реминисценции из прошлого позволяют раскрыть психологическое состояние героя, его духовный потенциал, подводят читателя к осмыслению глубоких онтологических и философских проблем о времени, о том, что человек неволен управлять им.

У каждого из героев романа – своя жизненная дорога. Судьба жестоко наказала Вияну за содеянное ею «преступление» – убийство нерожденного ребенка, лишила ее радости материнства, отобрала самых близких и родных людей. Трагизм ее положения в том, что ненадолго одарив ролью матери, дав возможность привыкнуть к чужому ребенку как к родному, судьба лишает ее всего. Женщина остается одна, даже умирает она в одиночестве на скамейке у подъезда. Из писем-монологов Вияны становится ясно, что она осознает свой поступок, искренне раскаивается, «герои романа приходят к непреложным ценностям и абсолютной истине, однако изменить в своей жизни они уже ничего не могут...

Антропоцентрическая модель мира Е. Четвергова основана на идее фатализма... Однако писатель не снимает ответственности и с самого человека – духовное бытие человека обусловлено его деяниями и интенциями на протяжении земного существования» [4, с. 133]. Вияна не перекладывает ответственность за свои беды на другого. Очень часто она, а вместе с ней и читатель, задаются вопросом: Как сложилась бы ее жизнь, не убий она своего ребенка, не послушай советов мачехи, не побойся пересудов и сплетен? Письма героини заставляют задуматься о выбранных каждым нравственно-этических принципах.

В эпистолярном пространстве романа воссоздается весь жизненный путь Вияны. Автор представляет характер динамичный, развивающийся не только в земной жизни, но и в загробном, потустороннем мире. Динамизм образа проявляется в хронологичности воспоминаний, эмоциях, обращениях. Героиня свидетельствует о нахождении умерших душ сначала в мире Подземном, потом – Небесном. Какое время затрачивается на это, неизвестно, так как в этих мирах нет временных признаков и процессуальности. В одном из писем из Небесного мира она говорит, что отсюда разрешено отправлять лишь одно письмо в десять лет. Таким образом, правомерно говорить об условном времени, в котором героиня продолжает «вечное» существование.

В настоящем представлено лишь начало романа, являющееся своеобразным прологом. Автор-повествователь сообщает читателю историю создания произведения, уверяет в подлинности описываемых далее событий – он сам получал письма от давно умершей возлюбленной. Настоящее в нарративе романа – незначительный пласт, оно не играет значимой сюжетобразующей роли, справедливо определить его функции как связующего реальное прошлое и условное вневременное.

Триада «прошлое – настоящее – вневременное» свойственно мифологическому мышлению, в структуре романа она, на наш взгляд, способствует воссозданию и сакрализации автором этномифологических констант и библейских мотивов. В традициях мифопоэтики представлены описания Загробного мира. В Небесном мире прослеживается временная статичность, в Подземном – нечеткие признаки смены времени («ночь сменяет день, ...темноту ночи тусклый свет»), однако невозможно определить, «когда, во сколько рассветает и темнеет», нет календарной цикличности («В мире живых приходит весна, потом лето, за ним, играя желто-коричневыми красками, осень. В нашем мире ничего не меняется...» [2, с. 8]). Подобные описания позволяют свидетельствовать о манифестации автором мифологического модуса времени, который противопоставляется объективному времени. Таким образом категория времени в романе «Здесь и Там», проецирующая мифологическое и библейское сознание, подводит к размышлениям о характерных для произведения признаках романа-мифа. Данная жанровая форма эпоса не характерна для

мордовской литературы, основанной на традициях реализма. Е. Четвергов вводит в национальное слово новое романное мышление, фундаментальным в котором осознается мифопоэтика.

Пространство в художественном тексте, по утверждению М. М. Бахтина, «интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [1]. Правомерно говорить о сюжетообразующей функции категории пространства, что прослеживается и в анализируемом нами романе. «Пространственные параметры романа «Здесь и Там», – пишет С. В. Шеянова, – определить достаточно сложно, проблема сводится к оригинальности художественной картины мира, представляющей собой сочетание разных миров, разных сознаний и миропорядков. С одной стороны, пространство сводится к «микросреде» ..., с другой, перед читателем – два мира: в письмах Валдая – реальный (Земной мир) и условно-мистический, непознанный, неизведанный (Загробный мир) – в посланиях Вияны. Пространство романа, таким образом, двупланово: картины реальной действительности чередуются со сценами мистического загробного мира» [5, с. 36].

Описания Загробного (Подземного и Небесного) мира основано, на наш взгляд, на опыте Ветхого завета и мифологическом мотиве о бессмертии души и ее трансплантации в иное состояние. Экспозиции условно-мистического мира вызывают противоречивые эмоции: они поражают воображение информацией о неизведанном и одновременно пугают неестественностью состояний. Вот монтаж описаний Подземного мира: «В Подземном мире мертвых небо черное как земля, ... здесь не бывает дождя и снега. Откуда им взяться, если небо каменное? Место сухое. Не холодно... Здесь растут деревья – редкие, маленькие... Стволы, листья, ветви – темно-красные как кровь. Птиц на деревьях не увидишь, их пения не услышишь...» [2, с. 10]. Описания скудной природы напоминают сцены из утопических и фантастических текстов. Автор, безусловно, эпически широко распоряжается пространством, заявляет об индивидуальном способе восприятия действительности (удаленность от реалистического и обращенность к мифологическому, поэтико-метафорическому), позволяющем делать обобщающие выводы онтологического характера. Однако, на наш взгляд, подобные картины обрисованы пунктирно, нет концентрации, нанизывания деталей, впечатлений, Загробный мир максимально обобщенный, не индивидуализированный локус.

Вертикальная организация пространства в романе вызывает разнообразные антиномии и ассоциации: реальное / мистическое, земное / загробное, противоречивый мир действительности и умиротворенность, безконфликтность загробной жизни. Однако сам автор не создает оппозицию Земное / Загробное. Вияна признается своему адресату, что и в мире мертвых сохраняются социальная иерархия, несправедливость и иные пороки

общества. Таким образом, Загробный мир – своеобразное воплощение Земного, что в очередной раз приводит к трактовке романа как реалистического произведения.

В целом, перемежение реального и мифологического пространств придает повествованию размах бесконечности, определяет основные этапы становления характера героев, уровень их духовного развития. Таким образом, хропотоп, как утверждал М. М. Бахтин, является содержательной категорией – определяет образ человека, явившегося объектом художественного исследования.

Пространственно-временные модули в структуре эпистолярного романа Е. Четвергова «Здесь и Там» обуславливают жанровую природу произведения, контаминирующего в своей основе признаки нескольких романских форм – психологического, философского, романа-мифа, романа подведения итогов. В произведении реализуются противоположные модели мира: Земной и Загробный. Земное обрисовано по канонам реализма, автор актуализирует ряд проблем современного общества, представляет реалистическое разрешение конфликтов и коллизий, сцены Загробного мира вызваны мифологическим сознанием и опытом Ветхого завета. В нарративе романа прослеживается трансформация временной атмосферы: реалистическое прошлое и настоящее перемежаются с мифологическим, условным, вневременным. Эмпирическая контаминация и трансформация пространственных и временных категорий привела к хорошему результату – «в контексте мордовской романистики роман «Здесь и Там» становится новаторским образцом в решении центральной проблемы романного жанра – проблемы личности, разрабатываемой как проблема сознания человека, его отношений с миром, структуры его личностной позиции» [3, с. 132]. Данная оценка свидетельствует об уникальности творческого дарования Е. Четвергова, оригинальности его индивидуально-авторской концепции мира и человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 234–407.
2. Нуянь Видяз. Тесэ ды Тосо // Нуянь Видяз Тесэ ды Тосо: сермасо роман, келей евтнема ды евтнемат. – Саранск, 2013. – С. 3–180.
3. Шеянова С. В. Роман в письмах Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там»): трансформация эпистолярного жанра // Вестник научно-исследовательского института Гуманитарных наук при Правительстве РМ. – 2014. – № 1 (29). – С. 131–138.

4. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: национальная идентичность и пути ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2014. – Вып. 87. – С. 130–134.
5. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Саранск, 2014. – 42 с.

МОРОЗОВА А. В., СТРЕЛКОВА О. Б.
НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕРМИНАХ
СИНТАКСИСА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье анализируются термины синтаксиса, используемые в современном удмуртском языкознании. Особое внимание уделяется актуальным проблемам удмуртского словообразования.

Ключевые слова: термин, синтаксис, словообразование, удмуртский язык.

MOROZOVA A. V., STRELKOVA O. B.
ON SYNTAX TERMS OF THE UDMURT LANGUAGE

Abstract. The article analyzes the syntax terms used in the modern Udmurt linguistics. The authors focus on the up-to-date issues of Udmurt word-formation.

Keywords: term, syntax, word-formation, Udmurt language.

В последние десятилетия удмуртский язык находится в фазе активного обогащения лексического состава, что связано с повышением национального самосознания удмуртского этноса и его отдельных представителей. В настоящее время во всех сферах жизни существует необходимость использования новых терминов для обозначения предметов, явлений, процессов современной действительности.

В этой связи в 2011 году удмуртские исследователи активно включились в проект «Создание терминологических словарей на национальных языках для общеобразовательных школ в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации». В результате была разработана отраслевая терминология по 10 предметам. Словари, изданные не очень большим тиражом, к сожалению, не могли дойти до широкого круга пользователей, но желающие имеют доступ к их электронной версии, размещенной на сайте факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета (http://v4.udsu.ru/default/fudf_slov).

Среди этих словарей есть словарь лингвистической терминологии. Это издание в какой-то мере регламентирует современную удмуртскую лингвистическую терминологию. В данной статье мы обратимся к терминологии в области синтаксиса. В частности, мы рассмотрим особенности, историю исследования и использование данной терминологии носителями языка в речи.

Исследования по терминологии можно разделить на 3 этапа:

1. 1931–1934 гг. Исследователями данного периода, внесшими вклад в развитие удмуртской терминологии, являются А. Н. Лекомцев, К. Чирков, А. С. Бабинцев, И. В. Яковлев. В данный период увеличивается интерес ученых к созданию терминологии, в том числе и синтаксическим наименованиям.

2. С 1994 года возобновляются работы по созданию терминологии после временного «затишья», и на данном этапе развития большой вклад в развитие и возрождение удмуртской терминологии внес П. И. Воронцов. Также немаловажную роль в этом играет создание в 1994 году термино-орфографической комиссии.

3. С 2006 года и по настоящий день наблюдается активное создание и разработка различных лингвистических словарей, в которых не малое значение уделяется терминологии, связанной с синтаксисом удмуртского языка.

Большинство терминов были переведены на удмуртский язык. При переводе чаще всего используется:

- полное калькирование — *веранлэн валтӥсь ёзьёсыз* ‘главные члены предложения’, *тодмотэм мурто веран* ‘неопределенно-личное предложение’, *веранлэн ог ладо ёзьёсыз* ‘однородные члены предложения’;

- полукалькирование — *кылсочетание* ‘словосочетание’, *вӧлскем оборот* ‘распространённый оборот’, *герӥостэм конструкция* ‘бессоюзная конструкция’;

- морфологическая передача — *придаточной дополнительной предложение* ‘дополнительное придаточное предложение’, *именной составной сказуемой* ‘именное составное сказуемое’, *многостепенной сложноподчиненной предложение* ‘многостепенное сложноподчиненное предложение’.

В зависимости от того, на какую аудиторию направлен тот или иной лингвистический словарь, зависит его содержательность. Словарь лингвистических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ включает в себя достаточно узкий круг терминов, связанных с синтаксисом. Данная терминология является конкретной, и в словаре не приводятся различные возможные варианты перевода того или иного термина. Справочник терминологии удмуртского языкознания Н. А. Сергеевой «Удмурт кылтодон нимкыллык» 2012 года направлен на лексику,

которая необходима студентам в процессе обучения, поэтому данный справочник дает нам намного больше терминов. Автор включает в него около четырехсот терминов, связанных с синтаксисом удмуртского языка, при этом в данной работе мы находим возможные варианты одного и того же термина; так же отмечено, в какой период встречалось или зафиксировано, кем было введено определение. Таким образом, можно пронаблюдать динамику изменения терминов, рассмотреть их в диахронии.

Встречаются термины, которые используются в двух и более значениях:

- **йыркыл** – 1) заголовок, заглавие; 2) сказуемое;
- **веран** – 1) предложение; 2) произношение; 3) сообщение, рассказ; 4) речь, слово; 5) изложение, пересказ;
- **кушето** – 1) аналитический; 2) сложный.

Достаточно много терминов при переводе имеют несколько вариантов:

- главные члены предложения – валтйсь ёзьёс / веранлэн валтйсь ёзьёсыз / главной кылъёс / йыръясь кылъёс / шор кылъёс / предложенилэн главной членъёсыз;
- подлежащее – бадъымъёз / бадъым кыл / быдъымкыл / подлежащей / подлежащей;
- придаточное предложение – валэктьсь веран / итэмверан / кушем веран / придаточной предложение / пыриськись веран.

Несколько вариантов перевода имеют положительную черту в том плане, что говорящий может использовать наиболее удобный для него и запоминающийся вариант термина. Так, в настоящее время наблюдается параллельное употребление многих терминов. Например, *веран* и *шуос* в значении 'предложение'; *пыриськись ёз* и *валтйсьтэм ёз* в значении 'второстепенный член предложения'.

В данный справочник включены термины, которые были зафиксированы в каком-либо источнике, но в современной терминологии данное понятие уже не употребляется, например, термин *артэ султон* 'примыкание', в настоящее время используется термин *вошьясъкытэк итйськон*. Таким образом, наблюдаются лексемы, находящиеся в пассивной лексике, а также новые термины, которые есть в языке, но еще не адаптировались в активной лексике носителей языка.

Встречаются термины, которые были введены в удмуртское языкознание еще в 30-е годы прошлого столетия, но по ряду объективных причин не использовались. Они возрождаются в настоящее время. Например, термин, *мурткыл* ‘прямая речь’ встречался в работах А. Н. Лекомцева [4, с. 33], *бадӟымкыл* ~ *бадӟымӟӥз* ‘подлежащее’, *йыркыл* ~ *йырӟӥз* ‘сказуемое’ в работах И. В. Яковлева и С. П. Жуйкова [8, с. 69; 3, с. 9], *валӥктонпус* ‘двоеточие’ в исследованиях И. В. Яковлева и К. Чиркова [8, с. 73; 7, с. 40] и др.

Можно также подчеркнуть и диалектные особенности, специфику терминов. Необходимо заметить, что удмуртский литературный язык до сих пор находится в стадии становления, имеет ограниченную сферу использования. Даже в официально-деловой ситуации каждый удмурт использует свой родной диалект, иными словами, речь каждого удмурта имеет определенную диалектную окраску.

Кроме того, хотелось бы сделать некоторые замечания и по поводу использования этой терминологической базы на удмуртском языке. Безусловно, данные слова имеют ограниченную сферу применения: среди ученых, исследователей удмуртского языка, студентов-филологов. Но, к сожалению, в связи с русификацией удмуртов, весьма трудно внедрить данные узкопрофильные слова в широкий оборот. Конечно, это можно было бы сделать в школьный период, но дети в последнее десятилетие приходят в школу с низким уровнем владения родным языком, и все больше образовательных учреждений переходят к изучению удмуртского языка как государственного, а не родного. И, соответственно, при написании новых учебников по удмуртскому языку составителям приходится ограничивать употребление новых терминов. В связи с этим, вероятно, большинство терминов так и останется неактивным.

Структурно в большинстве случаев термины являются:

- сложными словами, состоящими из двух компонентов: *бадӟымкыл*, *бадӟымӟӥз* ‘подлежащее’, *кылберыктос* ‘оборот’, *ватсанкыл* ‘дополнение’, *валӥктӥськыл* ‘второстепенный член предложения’, *верантодос* ‘синтаксис’; нужно отметить, что в удмуртском языке среди терминов встречаются и трехкомпонентные слова, например: *йылтумкыл* ‘вывод’, *удыскылтодон* ‘терминология’, *мурткылпус* ‘кавычки’, *нимкылрад* ‘ряд (слов)’;
- дериваты с суффиксом *-он* (*-ён*), *-н*: *валтон* ‘управление’, *зэматон* *веран* ‘утвердительное предложение’, *вакчиятон* ‘сокращение’, *ватсан* ‘приложение’;
- дериваты с суффиксом *-эт* (*-ет*): *вӧлскет* ‘оборот’, *тӧчет* ‘сочетание’;

- дериваты с суффиксом *-ос*: *берыктос* ‘перевод’, *валчясь герӓос* ‘соединительный союз’.

В заключение хотелось бы отметить, что современное удмуртское языкознание находится в фазе активного словотворчества, в поиске новых вариантов терминов. В связи с этим наблюдается как обращение к старым источникам и возрождение наименований 20-30-х годов XX века, так и создание новых слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабинцев А. С. Удмурт кыллы дышетон книга: одӓг ёзо школаын куинетӓ араз дышетонлы. – Иж кар: Кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. – 64 б.
2. Воронцов П. И. Кылрадъян удыскыл // Вордскем кыл. – Ижкар, 1994. – 71–74-тӓ б.
3. Жуйков С. П. Учебник удмуртского языка: тезисы к первой республ. конф. – Ижевск: Удмуртское гос. изд-во, 1933. – 117 с.
4. Лекомцев А. Н. Удмурт кыллы дышетскон книга (синтаксис): ФЗСлы но ШКМлы тупатэмын. – Иж кар: УДГИЗ, 1932. – 40 б.
5. Сергеева Н. А. Удмурт кылтодон нимкыллык: справочник. – Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2012. – 498 б.
6. Сергеева Н. А. Огъядышетскон шорьёзо школаослы кылтодон удыскылъёсын удмурт кылын кыллюкам / ред. Н. Н. Тимерханова; ред. совет М. С. Федина и др.; Ассоциация финно-угорских университетов; NH Collegium Fenno-Ugricum. – Саранск, 2011. – 39 б.
7. Чирков К. Гожъяськыны дышетскон: ичи дышетскем воргоронъёслы / тупатӓяз Д. Корепанов. – М.: Центриздат, 1931. – 48 б.
8. Яковлев И. В. Удмурт кыл радъян: элементарная грамматика вотского языка. – Ижевск, 1927. – 87 б.

ЛЕХТИНЕН М.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРНОЙ И РАЗГОВОРНОЙ ФОРМАМИ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются функциональные особенности литературной и разговорной форм финского языка, выявляются различия между ними. На конкретных примерах анализируются ситуации их употребления. Автор подчеркивается важность изучения разговорной формы при обучении финскому языку.

Ключевые слова: финский язык, литературная форма языка, разговорная форма языка, устная форма языка.

LEHTINEN M.

FUNCTIONAL DIFFERENCES BETWEEN LITERARY AND SPOKEN FINNISH LANGUAGE

Abstract. The article deals with the functional features of literary and spoken Finnish language with a focus on the differences between them. Their usage is analyzed on a number of practical examples. The author emphasizes the importance of spoken language in teaching Finnish.

Keywords: Finnish language, literary language, spoken language, oral language.

Во всех языках мира имеются правила, регламентирующие их употребление – что с грамматической точки зрения является правильным, и что неправильным. Понятно, что предложение *Me olet suomalaisia* ‘букв. Мы являешься финнами’ является неправильным. Между субъектом и предикатом предложения нарушена конгруэнция – субъект стоит во множественном числе, предикат – в единственном. Структура предложения является неправильной независимо от того, написано ли оно или произнесено в речи. Во многих языках разговорный язык соблюдает правила литературного языка, однако есть и такие, в которых отдельно существуют грамматики литературного и разговорного языков. Наглядным примером последнего является финский язык.

Таким образом, фразу, которая на литературном языке звучит *Me olemme suomalaisia*, на разговорном языке можно произнести *Me ollaan suomalaisia* (с личным местоимением *me* употребляется пассивная форма глагола *olla*). Согласно нормам разговорного языка, это вполне правильно, и выражение *me olemme* в разговорном языке звучит даже странно по сравнению с его вариантом *me ollaan*. В таком случае может создаться впечатление, что человек, употребляющий форму литературного языка *me olemme*, не слишком хорошо знает грамматику разговорного языка. Финны, носители языка, в подобной ситуации полагают, что говорящий является иностранцем.

Тем не менее, если тот же самый человек написал бы *me ollaan*, это было бы большой ошибкой. Хорошее знание финского языка включает знание правил как литературного языка, так и разговорного, иными словами, это знание, каким образом использовать язык в различных ситуациях. Следовательно, иностранцам, изучающим финский язык, важно получить такие знания.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Функциональная лингвистика сильно продвинулась в 1980-е годы. Ее центральная идея заключается в назначении языка (функция), а не в теоретических началах изучения языка (как иногда об этом предполагают!). Поэтому, если полагать, что язык существует для того, чтобы на нем совершать определенные вещи (например, разговаривать, принимать решения, учить, покупать), следовательно, это и следует считать отправной точкой при обучении языку.

Финскому языку традиционно обучали таким образом, что вначале весь учебный материал давался на литературном языке. Так происходило независимо от того, являлся ли учитель коренным финном или иностранцем. Считается, что знания изучающего язык развиты достаточно, если он овладел и разговорным языком. Распространена мысль о том, что только литературный язык является «хорошим языком», но никоим образом не разговорный. Без сомнения, литературный язык и грамматические правила необходимо знать. Вопрос же заключается в том, каким образом обучать разговорному языку и на каком этапе.

В течение многих десятилетий обучению разговорному языку не уделялось особого внимания. Учебников разговорного языка не было, а если они и имелись, написанные на литературном языке. В нашей работе мы имеем в виду, что устный язык и разговорный язык – это не одно и то же. Традиционно, устный язык связан с повседневным языком общения, который, например, может быть использован в банке, на почте, в магазине. Примеры, взятые из подобных ситуаций, являются нереалистичными, соблюдающими принципы литературного языка. Если в учебнике в качестве примера повседневного общения дано выражение *Huvvää päivää, voisinko saada yhden kupin kahvia, kiitos* ‘Добрый день, можно мне одну чашку кофе’ – каждый финн знает, что при непосредственном общении никто так не говорит.

УСТНЫЙ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИЗУЧАЮЩЕГО ЯЗЫК

С точки зрения изучающего язык очень важно учить устный язык в самом начале обучения. Это необходимо особенно тогда, когда изучающему ежедневно приходится

общаться с носителями языка. В таком случае коммуникационный канал открыт естественным образом, и все участники общения являются равнозначными. Такая ситуация возникает в связи с тем, что причины желания изучать язык часто весьма прагматичны – по тем или иным причинам необходимо общаться в иноязычной среде. Эффективнее всего данной цели можно достичь при общении на языке местного населения. Что касается финского языка – речь здесь идет о разговорном финском языке.

Изучение правил литературного языка (что является важнее важного) в самом начале своего обучения часто бывает достаточно утомительным. Изучение языка подобным образом исходит не от собственных целей студента (коммуникационная цель), а связана с устоявшимися убеждениями, согласно которым, литературный язык «лучше», чем разговорный. И, в таком случае, «общение» происходит с учебниками и раздаточным материалом, но не с людьми.

ЗНАЧЕНИЕ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

При рождении ребенок как чистый лист (*tabula rasa*), и только в процессе социализации он становится человеком. У новорожденного ребенка уже имеется генетическая готовность и необходимость в общении с другими людьми. При помощи прикосновений, мимики и жестов ребенок постепенно учится говорить, формулировать свои мысли посредством языка – чего он хочет, что любит, что не любит. У него возникает мотивация (для своей выгоды) научиться общаться при помощи речи, поскольку в таком случае сообщение лучше и точнее доходит до адресата. Ребенок необязательно знает об этом, данный процесс происходит естественным путем.

Позже такой же стереотип мышления имеет место при сознательном учении, например, при обучении новому языку. Наибольшая эффективность при этом достигается в том случае, когда у учащегося есть необходимость выполнять что-либо с помощью данного языка. Каждый, определенно, знает, какое чувство возникает, когда, находясь за границей, ты можешь пользоваться языком той страны, являющегося для тебя чужим, и замечать, что с помощью него организуются разного рода дела: самолет доставляет тебя в нужную страну, поезд в нужный город. Также и в ресторане ты можешь заказать что-то отличное от пиццы и колы (их заказ будет иметь успех в любой точке мира, не зная ни одного слова из языка данной страны!). Подобные небольшие успехи уже на ранних стадиях изучения языка приносят радость и повышают мотивацию к большим знаниям. Таким образом, мы видим, что разговорный язык является той формой языка, с помощью которого мы добиваемся чего-либо.

Почему в таком случае мы учимся говорить на литературном языке? В действительности, литературный язык является искусственным. Это форма языка, основывающаяся на общей договоренности. Она, безусловно, необходима, но его ты можешь выучить постепенно как составляющую процесса социализации в новой языковой среде. Допускать ошибки в литературном языке не является опасным, но существует опасность использования вместо него разговорного языка. Когда человеку, говорящему на финском языке, безразлично – пишет ли он на разговорном языке или говорит на литературном – весьма рассудительно не использовать одну форму в функции другой.

В ЧЕМ ВЫРАЖАЕТСЯ ХОРОШЕЕ ЗНАНИЕ ЯЗЫКА?

Несмотря на то, что существуют причины подчеркнуть важную роль разговорного языка в устной финской речи, не стоит забывать, что это ни в коем случае не означает, что разговорный язык является единственной и универсальной формой общения. Его использование может меняться в зависимости от ситуации в большей степени, чем использование литературного языка. Хорошее знание языка означает знание в совершенстве различных лингвистических регистров: в каких ситуациях необходимо говорить официально, в каких – неофициально. Приведем примеры из различных ситуаций использования языка.

Пример 1. Мужчина говорит на кассе магазина: *Anteeksi, voisinko saada yhden punaisen Marlboro-merkkisen savukerasian, kiitos* ‘Извините, можно мне одну пачку сигарет марки красного Мальборо, спасибо’.

Пояснение. Просьба вежлива, однако в то же время она дает понять слушателю, что спрашивающий, скорее всего, не является финном. Вопрос задан согласно правилам литературного языка, при этом нарушаются нормы разговорного языка, поскольку сказанное слишком формально, чтобы казаться естественным.

Пример 2. Мужчина говорит на кассе магазина: *Punanen Marlboro* ‘Красный Мальборо’.

Пояснение. Просьба по своей форме не очень вежлива, но в повседневном общении она подходящая и естественная в употреблении.

Пример 3. Студент идет брать интервью у ректора университета для университетской газеты: *Moro, mitä jätkä? Mulla olis sulle pari kyssäriä, et jos viittit kertoo, mitä mielt oot, pliis* ‘Привет, чувак! У меня к тебе пару вопросов, если тебе не лень рассказать, какого ты мнения, пожалуйста (разг.)’.

Пояснение. Ситуация относительно официальная, и ректор в системе высшей школы – самый главный человек по статусу из всех возможных, поэтому язык, используемый в примере, слишком фамильярен и неуважителен.

Пример 4. Студент идет брать интервью у ректора университета для университетской газеты: *Huvää päivää! Nimeni on Harri Häkkinen ja tulini tekemään haastattelua yliopiston lehteen. Jos Teillä on nyt hetki aikaa, niin olisi mukava kuulla mielipiteenne muutamista asioista* ‘Добрый день! Меня зовут Харри Хяккинен, и я пришел взять интервью для университетской газеты. Если у Вас сейчас есть время, было бы приятно услышать Ваше мнение о нескольких вещах’.

Пояснение. В данном случае официальная форма общения естественна для разговорного языка.

Как показано в примерах, разговорный язык не означает, что во всех случаях можно говорить одинаково. Не в любой ситуации можно сказать *tä* ‘я (разг.)’ или *sä* ‘ты (разг.)’ или обратиться на ‘ты’ вместо ‘Вы’. Поэтому в официальных ситуациях необходимо принимать во внимание общие правила поведения согласно установленным (или устоявшимся) нормам. В примере 4 это отчетливо показано. Следует отметить, что в повседневной жизни рассматриваемая ситуация не является обыденной и встречается очень редко. Чаще всего в разговоре со взрослыми или уважаемыми людьми используют язык, похожий на литературный язык, при этом ситуация будет сохранять свою естественность. Если кто-либо хочет оставить о себе впечатление как о говорящем на «хорошем» языке человеке, используемому им языку следует быть дружелюбным и прагматичным (пример 2).

ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

Чаще всего главной целью изучения языка является его использование в той стране, где на нем говорят как на родном. Таким образом, цель на самом деле заключается не только в изучении языка, но и в интеграции в общество соответствующей страны. Это означает то, что, если при обучении финскому языку внимание уделяется лишь его литературной форме как единственной форме языка (также в устном общении), этой цели невозможно достигнуть. В таком случае изучающие язык будут чувствовать себя в какой-то степени «вне», но никак не частью одной социальной группы.

Даже внешние черты людей, связанные с этническим происхождением, не имеют такого большого значения как знание ими языка. Язык может объединить людей на одном уровне или разделить на различные группы. В этой связи очень важно уметь использовать

разные формы языка, чтобы адаптироваться к той или иной ситуации. В случае с финским языком нужно учиться говорить на разговорном языке, а писать на литературном – согласно их предназначению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kalliokoski J. Monikielinen Suomi ja suomen kielen tutkimus. Artikkelit kirjassa Castrénin perilliset – Helsingin yliopiston suomen ja sukukielten professorit 1851-2001. – 2001.
2. Lauranto Y. Normi, rekisteri ja S2-opetus. – 1995.
3. Silfverberg L. Suomi toisena vai vieraana kielenä? – 1993.